



Елена Джонсон



**Незакадычные
ДРУЗЬЯ**

Леонид Молчанов, бездарный сотрудник издательства, становится жертвой покушения на следующий день после увольнения. Пару дней он этим даже гордился, пока не выяснилось, что он оказался лишь случайной мишенью. А повод для убийства находился за тысячи километров от Москвы, в лабиринтах старинной пещеры. Но бывший начальник Леонида со своей девушкой расшевелили огромное осиное гнездо, чтобы вытащить на свет старые забытые тайны.

Елена Джонсон

Незакадычные друзья

«Незакадычные друзья... отправились делить свою последнюю девицу»... — редактор запнулся, и его светлые пушистые брови в скорбном недоумении поползли вверх. Он перевернул страницу, словно надеясь увидеть пояснение на обороте, и поднял глаза на гордо откинувшегося в кресле Леонида. — Это что такое? — слабым голосом спросил он. — Это — перевод?

— Это очень хороший перевод, — обиделся Леонид и подобрал губы, собрав их в тонкую ниточку. Редактор потряс пухлой пачкой листов перед его носом:

— Это перевод? «Девушка улыбнулась тонко и стройно»! Это перевод?

— Перевод! — упорствовал Леонид. — Я передал иронию! Это — тонко!

Редактор шумно выдохнул и уселся в кресло. Он на секунду зажмурился, откинул голову и посмотрел на потолок.

— Так-так... Русский язык, насколько я помню, тебе родной?

Леонид с трудом выбрался из кресла и потянул пачку листов из рук редактора, оскорбленно сопя. Тот отдал ее, не сопротивляясь,

и сложил пухлые ручки на груди:

— Сволочь ты, Леня! — грустно резюмировал он. — Пошел вон!

— Я так и знал, что вы не оцените! — возмутился Леонид. — Что ж. Я был к этому готов! Вам же хуже, вот! Давно хотел вам сказать. Я открываю свое издательство! Чтоб вы знали! Читатели рассудят, перевод это, или не перевод.

— Не злись, Леня, — продолжая смотреть в потолок, меланхолично ответил редактор. — Лучше улыбнись стройно!

Не слушая, как Леонид нес свое шумное негодование по коридору, редактор грустно размышлял о том, что три месяца потеряны зря, что перевод чудесного психологического детектива Бэйтса, который должен был принести издательству так необходимые сейчас деньги, придется отложить еще на три месяца, и за это время их запросто могут выселить из замечательного офиса в центре города. Он попробовал было представить себе, что он задержит выплату зарплаты сотрудникам, и его губы невольно сложились в привычное: «Сволочь ты, Леня!».

Сволочь Леня был сыном начальника налоговой инспекции города. Поэтому последствия Лениного перевода были вдвойне ужасны: с налоговой инспекцией редактор проблем иметь категорически не хотел.

Рука редактора потянулась к телефонной трубке и замерла. Звонить замечательной переводчице, которая была отвергнута из-за сволочи Лени, было совестно. Переводчица была молода, скромна, хороша собой, и взгляд ее был по-детски обиженным и незащищенным. Она уже перевела для издательства один роман, и на деньги от публикации молодое издательство просуществовало безбедно полгода, пока сволочь Ленья, вместо незаслуженно отвергнутой Танечки, кропал своих «незакадычных друзей».

Реактор шумно вздохнул и набрал номер.

— Танечка, мне невероятно стыдно, я очень виноват, только вы можете меня понять, — завел он. Если бы у него был хвост — как бы он сейчас им вилял! По опыту он знал, что ничто так не сближает, как сетования по поводу других людей — разумеется, злых и нехороших.

— Я вынужден был... скрепя сердце, слышите, Танечка? Просто скрепя сердце изменить вам. И вот я снова у ваших ног. Выручите? Ведь перевод, в общем-то уже есть. Правда, — замялся редактор, — по нему трудно судить, что хотел сказать автор...

— Вот еще, — возмущенно сказала Танечка. — И смотреть даже в него не буду! Буду переводить заново.

— Отлично! Умница! — восхитился

редактор. — Мне так неудобно, что я позволил себе, так сказать, усомниться... отвернуться...

— Это легко исправить, — сказала по-детски беззащитная Танечка, и назвала такую сумму гонорара, от которой у редактора потемнело в глазах..

Он положил трубку и некоторое время безмолвно шевелил губами. Гонорар он пообещал, с трудом уговорив ее, что треть он заплатит только с продаж. Танечка покапризничала, но поняв, что в противном случае она не получит заказ, неохотно согласилась.

Редактор был довольно юн, пухл и белес. При огромном интеллекте и безупречном литературном вкусе он был трусоват и нерешителен, что не давало развиваться его издательскому делу так, как хотелось бы ему, а еще больше хотелось бы его сотрудникам.

На сердце у редактора было тревожно и смутно.

Но за окнами бушевал июль, и Ирка Громова согласилось поехать с ним на дачу! До самой середины следующего дня, которые редактор с трудом решил оторвать от своего бизнеса.

Вообще с девушками у редактора были определенные проблемы. Ему нравились тоненькие и юные, с нежным профилем и светлыми длинными волосами — желательно, распущенными. Еще к

этому должны были прилагаться округлые бедра, по сравнению с которыми талия должна казаться неправдоподобно тонкой. Еще они должны быть порывисты, романтичны, смотреть на него с обожанием, быть легкими на подъем, иметь гостеприимную маму, которая любит кормить гостей. Впрочем, готовить может и девушка, лишь бы мама проявляла при этом полную щедрость и гостеприимство.

При этом редактора очень обижало, что девушкам преимущественно нравились стройные мужественные парни с узкими бедрами, по сравнению с которыми торс должен казаться мощным, и имеющие достаточно средств, чтобы быть щедрыми. Уметь готовить стройным блондинам было необязательно, поскольку они должны были водить девушку в ресторан.

Всем этим качествам редактор мог противопоставить только мощный интеллект, и, как было сказано выше, безупречный литературный вкус.

Ирка Громова, надо было отдать ей справедливость, была стройна. С волосами и порывистостью у нее тоже было все в порядке. Порывистость у Ирки даже перехлестывала через край. Проблемы у Ирки были с обожанием, которое никак не угадывалось в ее взгляде, устремленном на редактора. Не было обожания и у ее мамы,

которая, если и любила кормить гостей, то тщательно это от редактора скрывала.

Поэтому каждая встреча, которой с трудом добивался от Ирки редактор, имела особенный привкус, потому что каждое ее мгновение было на вес золота. Ирку вполне устраивало обожание, которое сквозило в каждом взгляде редактора, устремленном на нее, а также его мощный интеллект. У самой Ирки с интеллектом было все с порядком, поэтому иногда она готова была простить парню некоторую пухловатость, если с ним было о чем поговорить.

Редактор крикнул секретарше, что он придет завтра после обеда, и вышел на улицу. Вернее, во двор, потому что вход в его редакцию, как, впрочем, и выход, был из небольшого двора в центре Москвы, и, чтобы добраться до улицы, надо было пройти еще через несколько дворов, соединенных арками. Это было неудобно, потому что машина через арки проходила, но существовала опасность не вписаться в них, поэтому его старенькую Ауди приходилось оставлять на улице.

Ауди, как всегда, послушно завелась, и редактор покатиł в сторону Новогиреева. Подъезжая к Терлецким прудам, он издали увидел бегущую Ирку, которая торопилась к месту встречи. Он опустил окно и стал усиленно махать ей рукой.

Ирка начала открывать дверцу, не дожидаясь, пока машина остановится.

— Костик, привет! — бодро сказала она, загружая в машину объемистую сумку.

— Ты напрасно столько наготовила! — обрадовано сказал Костик. — Там у меня оставались макароны и тушенка.

— Вообще-то это не тебе, — немного смутилась Ирина. — это надо завезти по дороге деду.

— А что там? — поинтересовался Костик.

— Еда, — объяснила Ирка. — Мама обнаружила вчера, что у деда пустой холодильник, ну и наготовила ему.

— А сам он не может?

— Не-а. Сам никогда толком не поест, — ладно, если хлеб у него где-то завалется. И полуфабрикаты какие-нибудь, — беззаботно сказала Ирка.

— Ага, — сказал Костик, и на некоторое время замолчал. Зброшенный полуголодный дед его немного смутил, — все же хотелось в своей девушке видеть немного больше заботы о ближнем. Потом он подумал, что заботу все-таки должна проявлять Иркина мать, поскольку Иркин дед приходится ей родным отцом, и повеселел. По дороге он рассказал ей про «незакадычных друзей», и Ирка хохотала от души.

— Поднимешься со мной? — предложила она, когда они подъехали к белой многоэтажке.

— Да неудобно беспокоить.

— Брось-ка. Идем, познакомлю с дедом.

Костик неохотно вылез из машины. Перспектива общаться с несчастным, одиноким стариком его смущала, — в таких случаях, наверное, надо что-то говорить, но что — этого Костик, несмотря на мощный интеллект, никогда не знал.

За дверью слышались чьи-то голоса и мужской громкий хохот.

— Дед, открывай, — забарабанила Ирка в дверь.

— Надеюсь, с ним ничего не случилось, — озабоченно проговорил Костик.

Дверь распахнулась, и Костик уставился на атлетического сложения мужчину в джинсах и клетчатой рубашке. Седые волосы были аккуратно расчесаны на пробор, он приветливо посмотрел на Ирку, и вокруг его глаз разбежались добрые морщинки.

— О, солнце мое, — пропел он, глядя на Ирку. — Заходи.

Костик оторопел.

— Вы — дедушка? — уточнил он.

Мужчина иронично поднял брови и заявил:

— Тот, кто скажет, что я — бабушка, здорово

ошибется.

— Костя, знакомься, — заявила Ирка. — Это — мой дед. Владимир Антонович.

— Весьма рад, — Владимир Антонович крепко встряхнул руку Костики. — Это у тебя что, гуманитарная помощь? — хохотнул он, принимая сумки. — Маме передай, пусть не волнуется.

— Кто там у тебя? — мотнула Ирка головой в сторону комнаты.

— Да вы проходите, — посторонился дед. — Там наши парни.

«Парнями» были такие же моложавые деды, которые, выйдя на военную пенсию, занялись кто частным сыском, кто — тренерской работой и инструктажем необстрелянной молодежи неких грозных силовых структур.

Ирка заглянула к ним в комнату:

— Ой, дядя Олег! Здравствуйте! Ой, дядя Саша! Здра...

Костя испугался, что Ирка застрянет у деда, болтая со знакомыми «дядями» со свойственной ей общительностью, и таким образом отнимет у Кости то время, которое он мог бы быть с ней вдвоем. Поэтому он прошел в комнату и решительно потянул Ирку за руку.

— Пойдем. Ехать пора, и так поздно уже.

— Мы — к Костику на дачу, — радостно сказала Ирка. — Накупаемся...

— Приедем затемно, вот тебе и купание, — проворчал Костик.

— Мы будем купаться при луне, — заявила Ирка, и, распрощавшись с бодрыми дедами, они поехали на дачу.

В дачном поселке, благодаря хорошей погоде, собрались все дачники. Собственно, назвать дачным поселком это было трудно. Это была просто небольшая деревня, где местных жителей осталось только несколько человек. Все дома были раскуплены москвичами. Дома были деревенские, — крепкие, не очень маленькие, без особых удобств.

При луне купались вместе с соседями. В компании тушенка с макаронами, приправленными огурчиками с огорода, съелись без особого отвращения.

Вечером во всей деревне вдруг погас свет. В темноте Ирка без особого труда представила Костю стройным блондином. Счастливый Костя открыл в себе неисчерпаемые способности, и к утру утомленная томная Ирка охотно примирилась с неспортивной Костиной фигурой. Потягиваясь на подушке, она довольно жмурилась под лучами утреннего солнышка, которое заглядывало в раскрытое окно.

Подъезжали к Москве около двенадцати часов дня. Костя придерживал Ирку свободной рукой за

талию и договаривался встретиться с ней вечером.

— Я знаю один такой ресторанчик! — нашептывал он. — Там такой интерьер!

— Ты мой гигант большого секса! Заезжай за мной вечером, так уж и быть.

Однако вечером ресторанчик чуть не накрылся. Потому что не успел Костик, преобразившись вновь в интеллектуального редактора, расположиться у себя в кабинете и начать вдумываться в очередную рукопись, как, вежливо постучавшись, к нему вошел посетитель.

— Старший следователь Малахов, — представился он, раскрыв удостоверение. Почти не взглядываясь в него, Костя радушно пригласил его садиться.

— У вас рукопись? Или перевод? — спросил он. — Детектив, наверное?

— Да нет, — вздохнул старший следователь Малахов. — Мне нужно задать вам несколько вопросов. Ведь вы Агапов, Константин Владимирович?

«Вот она, слава», — блаженно подумал Костя.

— Где вы были вчера в двадцать часов? — нудным голосом спросил следователь.

— На даче, — не стирая улыбки с лица, сказал Костя. Потом он подумал, что разговор складывается немного не так, как ему бы хотелось,

и он помрачнел.

— А вам какое, собственно, дело? — несколько заносчиво спросил он.

— Кто-нибудь может это подтвердить? — продолжал гнуть свое следствие.

— Куча народу, — мотнул головой Костик. — Целая куча.

Следователь раскрыл блокнотик.

— Например?

— Вам что — имена и фамилии? — удивился Костик.

— А также номера телефонов и адреса! — подтвердил Малахов.

— Зачем?

— Затем, что это необходимо следствию.

Костик еще раз потребовал удостоверение, долго его рассматривал, а потом поинтересовался:

— Как докажете, что вы не купили его в подземном переходе?

Следователь попробовал возмутиться:

— Это я должен вам что-то доказывать?

— Мы тут не лыком шиты, — язвительно сказал Костик. — Детективчики, знаете ли, кропаем понемножку. Права свои знаем. Жуликов всяких навидались. А может вы мелкий воришка, промышляющий интеллектуальной собственностью? Так что — номер телефончика вашего отдела для начала пожалуйста. А то ходят

тут без всякого дела. Ладно бы повод был...

— Повод есть, — вздохнул Малахов, досадливо поморщившись. Права он тоже знал, и понимал, что спорить бесполезно. — Вы обвиняетесь в покушении на убийство.

Костик вытаращил глаза.

— Убийство кого?

Потом он вдруг подскочил:

— Ирка? Моя девушка. С ней все в порядке?

Насчет девушки не знаю, — ответил следователь Малахов. — А вот Леонид Молчанов ранен выстрелом в плечо.

— Ну да! — не поверил Костя. — Как это ранен? Кто хоть на него патроны тратить будет?

— Тем не менее ранен, — повторил следователь. — И находится с огнестрельным ранением в больнице.

— Бедный Леонид! — посочувствовал Костик. — А я при чем?

— Он подозревает в покушении вас, — ответил следователь, повергая Костика в глубочайшее изумление.

— У него просто мания величия, — предположил он. — Кто будет думать о нем хоть сколько-нибудь продолжительное время? Если, знаете ли, отстреливать всех дураков, прости господи, — то нас останется совсем немного.

— Кого это нас? — подозрительно спросил

следователь.

— Умных людей! А в компании одних умников недолго и спятить. Во-первых, некому будет оценить, какие мы умные, — начал загибать пальцы Костик. — Во-вторых — не о ком посплетничать...

— Прошу не уводить разговор в сторону, — вежливо, но твердо оборвал егоследователь.

— Это вы зря, — не согласился Костик. — Ничто так не возвышает в собственных глазах, как наличие рядом дурака.

— Гражданин Агапов! — повысил голосследователь.

— Я же вам объясняю, — рассердился Костик на его непонятливость. — Я бы этого Леонида, наоборот, в теплице выращивал. Нет у меня заинтересованности в том, чтобы на него покушаться.

— А вот он считает, что есть. Что вы решили устранить его, как конкурента.

— Что-о-о?!? Ладно. Записывайте телефоны, — решил Костик.

Ирка старательно красилась. Легкий летний макияж, коричневые тени, загар на скулы — пусть Костик порадует. Ночью он был трогательно страстен и влюблен. Удивительно, на что способен мужчина, когда он ненадолго забывает о своем

высоком интеллекте и литературном вкусе. Высокий блондин, которым Ирка любила хвастаться перед подругами, несколько померк. Доставлять удовольствие Ирке, тратя время на такую канитель, как прелюдия, ему не приходило в голову. Ему и так было хорошо. В то время как Костик... Глядя на себя в зеркало, Ирка слегка покраснела: какая она, оказывается, бесстыдница!

Болтая по телефону с Танькой, она соврала, что в ресторан идет с Бобом. Так блондинистый Володя велел себя величать. Ирка смеялась и назвала его как-то Бобкой. Боб взвился, заявил, что она — нахалка, обиделся, но не ушел в ночь, потому что не успел ко времени оскорбления сожрать зажаренную Иркой индейку. Филе индейки настроило его на великодушный лад, он снизошел до холодного поцелуя, который незаметно перешел в поцелуй страстный, а тот в свою очередь перешел в следующую стадию, которую Боб очень одобрил. Правда, от индейки его довольно быстро потянуло в сон, за что Ирка на утро обозвала его уже Бобиком.

Костика, думала Ирка, обзывать никак не хочется. Потому что Костик — высокоинтеллектуальный... она задумалась. Бог с ней, интеллектуальностью. Любит он Ирку, пожалуй, вот что. Кстати, интересно, сам-то он знает, что любит Ирку искренне и нежно? Надо будет на всякий случай ему это объяснить.

Звонок в дверь раздался даже раньше, чем она ожидала.

В дверях стоял поникший Костик, но не один, а с пожилым мужчиной с большими нудными залысинами. Не успела Ирка открыть рот, как он уже представился:

— Следователь Малахов.

— Костик, что ты успел натворить по дороге?

Поникший Костя вдруг поднял голову и стал распространять вокруг себя сарказм.

— Да просто замочил пару типов, и все. Походка мне их не понравилась.

— Ну, если походка... тогда конечно, — согласилась Ирка, глядя на следователя Малахова. — А ко мне-то вы его зачем привели? Чтобы я его пошлепала по попке? Обещаю вам, что в ближайшую неделю он никого мочить не будет. Даже косолапых.

Следователь грустно посмотрел на Ирку и погладил залысины. Ирке вдруг стало его жалко. Он же не виноват, что он зануда.

— Проходите на кухню, — предложила она. — Я как раз успела убрать трупы и замыть кровь.

— Прекратите, — сказал Малахов, но на кухню прошел.

Пока Ирка ставила чайник, Малахов вдруг заявил Костику:

— А вас бы я попросил посидеть в комнате.

Ирка сразу надулась и выключила чайник.

— В моем доме... — начала она, но Костя вдруг перебил.

— Ладно, я лучше правда выйду. А то он подумает, что мы сговорились.

— Товарищ Агапов! — строго сказал Малахов.

— Фу-ты нуты! — воскликнула Ирка, но пока вполне мирно.

— Сесть-то можно? — спросил Малахов, когда Костик ушел в комнату.

— Что вы хотите? Я-то никого не убивала.

— Но трупы убрали, — хмыкнул Малахов, проявляя неожиданное остроумие, и сел за стол. — Расскажите, как вы провели вчерашний вечер, начиная с девятнадцати часов.

Оторопевшая Ирка вопросов больше не задавала, и рассказала про их с Костей поездку на дачу, опустив некоторые подробности, которые следователя Малахова не касались.

Следователь недоверчиво слушал, и спросил:

— Подтвердить, конечно, никто не может?

— Почему это не может? Мой дед может, гости, которые у него были, соседи по даче. Не, гражданин начальник, тут вы нас на понт не возьмете и дело не сошьете, — заявила Ирка.

Малахов вздохнул и поднялся:

— Ладно, проверим. Из города попрошу не выезжать пока.

— С какой стати? Вы уже выяснили его алиби!

— Это ничего не значит. Он мог киллера нанять, — рассудительно заметил Малахов.

— Ну нет, — возмутилась Ирка. — Как хотите, а на дачу мы поедем.

— На дачу поезжайте, — согласился Малахов, и пошел к выходу.

— Эй! — окликнула его Ирка. — Так нечестно. А интрига? Я вам тут полчаса соловьем разливалась, а вы даже не сказали, что случилось!

— Всего две минуты поразливались-то, — проворчал Малахов. — Вам гражданин Агапов все расскажет. Еле терпит, наверное, — сказал он язвительно и ушел, не прощаясь.

Ирка встала перед Костиком, сверля его любопытным взглядом. Костик молчал.

— Ну, и...?

— Поехали в ресторан, — безнадежно сказал Костик.

— Вот так здорово! А я, значит, теряйся в догадках? Докладывай, почему тобой заинтересовался следователь московской прокуратуры. Или он сошел со страниц одного из ваших детективов? Так я должна сказать, никуда не годный был детективчик.

— Он — старший следователь, — вдруг сказал Костя.

— Что?! Ах, извини. Конечно, простой следователь — это не наш уровень. С места не сдвинусь, пока не расскажешь!

— Ну, Ируся! Впервые в ресторан собрались. Поехали, там и расскажу.

Как опытный манипулятор, Костик подсознательно разогревал Иркино любопытство, и, по мере того, как они ехали к ресторану, она уже кипела.

Впрочем, Костин рассказ был коротким.

Размышляя, Ирка яростно терзала зубами куриное крылышко.

— Они тебя в покое не оставят! — заявила она. — Вот увидишь.

— Оставят, — возразил Костик. — Как только найдут настоящего убийцу.

— Ничего они не найдут. Зачем им искать, если Леня назвал тебя? И никакие алиби тебе не помогут.

— Но мотив...

— Я тебя умоляю! — Ирка нетерпеливо мотнула головой, отчего светлая грива ее блестящих волос широко легла у нее на плечах. — Прекрати идеализировать нашу милицию. Какой мотив! Боялся конкуренции, вот и нанял киллера. А что Ленечка дурак, это еще вопрос вкуса и ума.

Которым милиция у нас не блещет.

— Ну да, — рассеяно сказал Костик, глядя на ее волосы и облизываясь. — Пойдем танцевать?

— Костик! Надо искать киллера. А то тебя посадят.

— Ага, — легко согласился Костик, и потянул Ирку за руку... — Но я не думаю, что это может помешать нам потанцевать.

— Ну и дурак, — радостно сказал Ирка и положила голову ему на плечо.

Домой Ирка вернулась со смутным подозрением, что если Костика не подгонять, то он будет продолжать млеть возле Ирки и пустит все на самотек. Следователь Малахов вызвал у нее большое недоверие. Человек с такими залысынами способен видеть только то, что у него под носом. А под носом у него Костик с великолепным мотивом. Незачем следователю Малахову суесться, и Костика можно хоть завтра сажать в тюрьму. Ирка рассердилась на Малахова. Прямо-таки жег ее изнутри огонь и подгонял к действию. А где действовать — пока непонятно. Костик, который с утра собрался к Лене в больницу выяснять отношения, Ирку с собой категорически не брал. Поскольку Леню Ирка хоть и не знала, но при упоминании его имени шипела и плевалась не хуже дикой кошки.

Костя пытался убедить Ирку, что если сказать человеку, что он идиот, то, возможно, его не сразу осенит, что до сих пор он жил неправильно, по своим идиотским представлениям, совершая идиотские поступки. Вполне возможно, что он с этим не согласится, и даже наоборот, обидится, и станет не просто идиотом, а упертым идиотом, которого умному человеку остановить не под силу. Поэтому Костя пойдет с ним разговаривать сам, делая вид, будто он верит, что Леня — нормальный человек, и постарается из него вытянуть все, что он сможет. Ирке было разрешено ждать возле выхода из больницы.

У Ирки в жизни был тот неповторимый период, когда она окончила университет и наслаждалась законным месячным отпуском, прежде чем пополнить ряды экономистов нашей страны и навести, наконец, порядок в нашей экономике. Страна пока жила в ожидании, когда Ирка займется экономикой, а Ирка сидела в машине Костика у ворот больницы и игнорировала насущные интересы страны.

Костик торчал у Лени уже полчаса. С одной стороны, это хорошо, потому что за полчаса можно многое рассказать. Будем надеяться, подумала Ирка, что Леня все это время болтает без остановки.

На самом деле Костик двадцать минут прождал гардеробщицу, чтобы получить белый

халат, и потом сидел в больничном коридоре, ожидая, пока Лене сделают перевязку. Слышно было, как Леня в палате пару раз взвизгнул, и сразу послышался журчащий голос медсестры:

— Я же совсем тихонечко. Что уж вы так...

Леня что-то простонал в ответ, и затих.

Через минуту молоденькая медсестра выкатила из палаты тележку с инструментами, и Костя, наконец, вошел.

Леня лежал, закрыв глаза. Костик подошел поближе, положил на тумбочку пакет с фруктами и повернулся к Лене. Тот в упор смотрел на него.

Костик смущенно откашлялся, не решаясь начать разговор.

— Э... привет, старик. Как ты себя чувствуешь?

Леня плотно сжал губы, как будто ему собирались влить туда ложку горького лекарства, и молчал.

Костик вздохнул и продолжал.

— Что с тобой случилось? Мне вчера следователь такую ерунду молол, будто ты...

— Ага, — Леня разомкнул губы. — Значит, приходил к вам следователь?

— Приходил, — подтвердил Костик.

Леня поднял брови домиком, как бы изображая удивление, что Костя еще на свободе.

— Так кто на тебя напал? — помолчав,

спросил Костя. — Ты запомнил кого-нибудь?

— Будто вы не знаете! — заявил Ленья.

— Как же я могу знать?

Костик решил пока не говорить Лене, что следователь подозревает его, в надежде, что Ленья выболтает что-нибудь полезное.

— А следователь вам ничего не говорил? — удивился Ленья.

— Ничего. Он спрашивал, есть ли у тебя враги, — соврал Костя.

— А разве он не говорил, что это вы на меня напали?

— Я? — сильно «удивился» Костик.

— Ну, может и не вы лично, — пошел на уступку Ленья. — Но что вы подослали киллера.

— Нет, такого он не говорил. Он же не идиот, в конце концов.

— Почему?

— Почему он не идиот? — растерялся Костя. — Ну, я не знаю, такое иногда бывает...

— Да нет. Почему он не считает, что это вы меня заказали?

— Да с какой стати ему так считать-то?

— С такой, что я теперь ваш конкурент! — заявил Ленья.

— Никакой ты мне не конкурент. Во-первых, ты еще ничего не открыл, книги не выпустил, популярность не приобрел. А мне, понимаешь ли,

очень любопытно посмотреть, что люди скажут про твоих «незакадычных друзей».

— Правда, любопытно?

— Крайне, — горячо подтвердил Костик. — Ты поправляйся. Публикуй свих «друзей». Знаешь, — задумчиво сказал он, — действительно интересно посмотреть, что о них скажут, ей-Богу. Слушай, а может, случайно в тебя попали? Ну кому ты мог дорогу перейти?

Леня обиделся.

— Что уж, по-вашему, у меня врагов не может быть?

В этот момент дверь в палату приоткрылась, и в нее заглянул какой-то молодой человек. Леня дернулся, желая заползти под одеяло, но дверь тут же закрылась, и он расслабился.

— Ну, — нерешительно сказал Костя, — если ты не тайный агент ЦРУ, или не отбил красотку у местного мафиози...

— Враги моего таланта! — напыщенно сказал Леня.

— Ладно, — согласился Костя. — Как выглядел враг твоего таланта?

— Он... в кепочке такой, с длинным козырьком. В темных очках. В пиджаке, — начал вспоминать Леня.

— Ну Леонид! — сказал Костя. — Кепочку, пиджак и очки можно снять. А лицо ты разглядел?

— Нет, — вздохнул Леня.

— Хорошо. Где он на тебя напал?

— На Большой Никитской. Он появился из какого-то двора, в районе бразильского посольства...

— Как тебя туда занесло? — удивился Костик.

— Я шел в Центральный дом литераторов, — важно сказал Леня.

— Понятно. А потом куда он делся?

— А потом я упал, — трагически сказал Леня. — И потерял сознание. Очнулся уже в больнице.

Тут Леня слегка слукавил. Сознание он не терял, потому что ранение хоть и было неприятным, но пуля жизненно важных органов не задела. Нападавшего он тоже не видел. Возле ЦДЛ в тот момент отиралась небольшая писательская тусовка, поэтому сразу вызвали Скорую помощь, и Леню увезли. У него хватило ума сообразить, что в ожидании, пока его погрузят на носилки, надо лежать неподвижно. Если в него стреляли откуда-нибудь из окна или с крыши, то лучше делать вид, что ты умер, чтобы киллер не выстрелил во второй раз.

— Ну, ладно, — вздохнул Костя. — Надеюсь, милиция его найдет. Но хорошо бы сообразить, какой мотив...

— Как какой! — совсем обиделся Леня. —

Таких переводчиков, как я...

— Хорошо-хорошо, ты только не волнуйся, — заторопился Костя. — Выздоравливай. Я пошел.

Он вышел из палаты и задумчиво побрел к выходу. Два широкоплечих парня в наброшенных халатах, которые стояли в конце коридора, оглянулись и посмотрели на него. Один из них только что заглядывал к Лене в палату.

Они тоже пошли к выходу, о чем-то тихонько переговариваясь. В больничный двор они вышли вместе.

Заметив Костика, измаявшаяся от ожидания Ирка выскочила из машины и побежала ему навстречу.

— Ну, что там? — спросила она.

— По-моему, — ответил Костик, — никакого толку.

— Он так и думает, что это ты на него напал?

— Да вроде, не настаивает, — пожал плечами Костик. — Напали на него возле ЦДЛ, какой-то парень стрелял. В кепочке.

— В кепочке! — передразнила Ирка. — Если его, например, в сортире придется мочить, так по кепочке и узнаем. Постой, — опешила она. — В такую жару — в кепочке? Может — в бейсболке?

— В бейсболке, в кепочке, — проворчал Костик, — какая разница! Ладно, давай я тебя

отвезу домой и поеду на работу.

— Костик! — взмолилась Ирка. — Давай на Большую Никитскую съездим, а?

— И что мы там узнаем? Ирка, мне на работу пора, — занял Костик.

— Ну мы быстренько. Сейчас и пробок нет! — Ирка умильно посмотрела на Костика, чмокнула его в пухлую щеку, и он согласился.

Возле ЦДЛ бродили добросовестно и долго, излазили всю Никитскую, и ни к чему не пришли. Собственно, Костя несколько раз пытался выяснить у Ирки, что они ищут, но каждый раз получал заверения, что как только они это найдут, так сразу и сообразят, что это — именно то, что они ищут. Придя к выводу, что спрятаться киллеру было бы здесь трудновато — высоток не наблюдалось, а в многочисленных посольствах и кафе можно было прятаться только с помощью сообщника, — они немного обрадовались, потому что теперь оптимистично надеялись найти среди обслуживающего персонала этого самого сообщника. Костя, правда, попытался внушить Ирке, что на их тернистом пути могут возникнуть некоторые сложности, — например, сообщник может заупрямиться, и не захотеть выложить им, что, мол, вяжите меня, ребята, я помогал киллеру — что делать, бес попутал. Но Ирка отмела все опасения одним жестом, заявив, что уж это все —

детали. Костя проворчал, что из-за деталей рушились великие дела, но Ирка сморщила нос и загрустила.

— Не переживай! — подбодрил Костик, когда Ирка стала сокрушаться, что нет у них никаких ключей к раскрытию преступления. — Жизнь — это штука непредсказуемая. Может, она еще подкинет такие ключи, каких мы и не ждем.

Костик как в воду глядел.

В субботу они с Иркой ехали на дачу, предвкушая неземное блаженство. Погода была что надо, листва изумрудно зеленела, и птички, как водится, пели. Они свернули с Симферопольского шоссе и покатали к деревне по узкой дороге. На ней никого не было, и Костя остановил машину, прижав ее к самому краю дороги.

— Смотри, полянка какая, — сказал Костя. — Пойдем, погуляем немного.

Поскольку Ирка молчала, он добавил, несколько порозовев:

— Обсудим сложившееся положение вещей.

— Отчего ж не обсудить, — согласилась Ирка, и вылезла из машины.

Следом за этой полянкой оказалась другая, вся заросшая кустами дикой малины. На ней оказалось очень удобно обсуждать сложившееся положение вещей, и они пообсуждали его минут

сорок.

— Интересно, — глубокомысленно заметила Ирка, лежа на спине и глядя на небо. — Когда лежишь, становишься всего на неполных два метра короче. А небо кажется намного выше. Почему это Костик, а? Объясни мне, как человек, вращающийся в высоких сферах умственного труда...

Костик придвинул свою голову поближе к растрепавшейся Иркиной голове, и справедливо заметил, что на даче тоже можно обсуждать положение вещей. Отсутствие комаров в доме весьма этому способствует.

Ирка не могла не признать, что Костин интеллект выдает просто гениальные мысли, и встала.

Когда они вышли к машине, то увидели, что рядом с ней стоит чужой черный джип, в капоте которого возился озабоченный водитель.

— Слушай, мужик, не глянешь? — обратился он к Косте.

— Да я все равно в моторе ничего не соображаю, — отмахнулся Костя. — Неужели и джипы ломаются?

Он открыл дверцу своей машины и пропустил Ирку вперед. Водитель джипа резко захлопнул крышку капота, и пошел к Косте. Ирка даже не заметила, что мужиков вдруг оказалось еще двое. Они зажали Костю с боков, а водитель быстро

воткнул ему в спину шприц. Костя сразу обмяк и повис у них на руках. Потом из машины вытащили отчаянно орущую Ирку, и их обоих затолкали в джип на заднее сиденье. Костя сидел, привалившись головой к спинке, и пытался не закрывать глаза.

— Заткнись, зараза, — сказал водитель, и врубил музыку. Как Ирка ни старалась, но перекричать «Ромштайн» она не могла.

В двух парнях, которые сидели у них по бокам, Ирка узнала тех, кто вышел вслед за Костиком на больничный двор.

— Пусть орет, — ухмыльнулся один из них. — Недолго ей осталось.

— Почему недолго? — испугалась Ирка.

Парень загоготал.

— Кто в такие дела суется, долго не живет, поняла?

Ирка вытаращила глаза:

— В какие дела?

Он не ответил, и внимательно посмотрел на Костика.

— Ты сколько ему вкатил? — обеспокоено спросил он водителя. — Он же сейчас отрубится!

— Сколько надо, столько и вкатил. Врач рассчитывал, понял? Ничего, он все чувствует, и говорить сможет.

Парень со стороны Костика — светлый,

симпатичный парень, типичный московский студент-отличник, — вытащил нож. Ирка перестала орать, и смотрела, как зачарованная, как он тихонько провел лезвием по Костиной руке чуть ниже локтя, и по руке побежала кровь. Костя застонал.

— Чувствуешь, зараза! — удовлетворенно сказал парень, и вытер лезвие о Костины джинсы.

Водитель обернулся:

— Ты что делаешь, скотина, ты мне всю обивку измажешь! Кто тебя просил?

— А меня сейчас вырвет! — вдруг заявила Ирка.

Водитель занервничал:

— Убью, сука!

— Когда я нервничаю, меня еще больше тошнит!

Водитель чертыхнулся и резко свернул в сторону.

Машина въехала на лесную дорогу, проехала немного, продираясь сквозь тесно сросшиеся кусты, и свернула на поляну.

— Там и закопаем, — кивнул водитель в сторону оврага на противоположном конце поляны. Он вынул из-под сиденья пистолет и картинно засунул его себе за пояс. Ирка не сводила с пистолета глаз. Сердце колотилось так, что она почти не слышала, что говорили вокруг. Костик

обессилено сидел, и, казалось, дремал. На его лбу выступили капельки пота, и Ирка думала, что их так и застрелят, а она не успеет даже вытереть ему лоб. Она удивилась, что такие мысли лезут ей в голову.

— Ну, говори, у кого то, что тебе полковник передал?

Ирка вяло удивилась. Светловолосый студент тряс Костю, и его голова безвольно моталась.

— Я тебя сейчас всего на полоски изрежу, — пообещал студент.

— Да он тебя не слышит, — вмешался тот, что сидел сбоку от Ирки.

— Погоди, он кажется говорит что-то.

Ирка вдруг услышала, что кто-то спрашивает женским голосом:

— Что вы ищете?

Потом она поняла, что это ее голос.

— Мы же ничего не знаем. Даже не понимаем, о чем вы спрашиваете.

— Ах, не понимаешь? — с угрозой спросил студент. — А в больнице около Молчанова кто отирался? И на Большой Никитской вы чего искали?

— Если хотите, — продолжала Ирка, — мы вам что-нибудь подтвердим. Или подпишем. Что хотите, то и скажем. А на Большой Никитской мы были, потому что Молчанов сказал, что его там

подстрелили.

«Студент» усмехнулся:

— Слыхал, Удод, как она запела?

«Удод» слышал, и был этим слегка озадачен.

— Мы хотим, — почти по слогам произнес он, — чтобы вы сказали, куда вы спрятали ту вещь, которую вы получили от полковника? Она, понимаете ли, не ваша. Нехорошо чужое брать.

— Нехорошо, — согласилась Ирка. — А что это за вещь?

Перехватив нехороший взгляд Удода, она заторопилась.

— Видите ли, мы этого вашего полковника не знаем, но если вы нам скажете, что вы ищете, то мы постараемся...

Удод открыл рот, чтобы что-то сказать, но опять вмешался сосед справа.

— А ты откуда взялась, девочка? Что-то раньше ты у нас не прослеживалась.

— У кого у вас? И почему я должна была прослеживаться? — не поняла Ирка, и тут же получила удар по голове. Она вскрикнула, ткнулась лицом в спинку переднего сиденья, и четко увидела рукоятку пистолета, которая высывалась из-за черного кожаного ремня водителя.

— У вас есть два способа сдохнуть, — весело произнес «студент». — Быстро или медленно. Какой изволите выбрать?

— Так где эта маленькая штучка, которая нас интересует? — спросил водитель.

Костя не открывая глаз, что-то произнес.

— Тихо, он что-то говорит! — крикнул студент.

— Все замолчали и уставились на Костика.

— В Кара... ганде! — ответил он, не открывая глаз.

— Издевается, сволочь! — закричал водитель. — Тащи его, гада! Щас он у нас заговорит.

Студент выскочил на поляну, и грубо дернул Костю за руку. Костя вывалился из машины, и студент пнул его носком ботинка.

Дальнейшее Ирка потом часто пыталась вспомнить в подробностях, но как раз подробности от нее и ускользали. Она наклонилась вперед, выхватила пистолет из-за пояса у водителя. Позже, сидя в таком же джипе, она оценивала расстояние до переднего сиденья. Чтобы дотянуться не только до спинки, но до самого водителя, нужно было сильно тянуться вперед. Но сейчас ей казалось, что она просто легонько протянула руку, и пистолет сам собой оказался в ее ладони. Она нажала на курок, просто чтобы посмотреть, что будет дальше, пока водитель не вырвал его у нее из рук. Пистолет сильно дернулся в руке, водитель моментально ткнулся лбом в рулевое колесо и затих. Потом Ирка

ощутила справа от себя какое-то движение. Кажется, кто-то пытался схватить ее за руку и отнять пистолет. Ирка послушно дала отвести свою руку, и почти выпустила пистолет, только палец почему-то снова нажал на курок. Пуля прошла через подбородок вверх, рука, держащая ее разжалась, и пассажир справа больше ее не беспокоил.

Теперь кто-то громко кричал слева. Ирка оглянулась, и на долю секунды увидела белые бешеные глаза человека, который рвал на себя дверцу, чтобы выхватить у Ирки пистолет. Глаза тут же исчезли, потому что пистолет опять выстрелил. Стало тихо. Ирке потребовалась минута, чтобы прийти в себя и понять, что она только что застрелила трех человек. Она сидела, полумертвая от страха, в заляпанной кровью машине, которую водитель так боялся запачкать, и боялась пошевелиться. Потом она испугалась, что не до конца застрелила того, который слева, и он опять будет резать и пинать Костю. Она заставила себя выглянуть в разбитое пулей окно. Студент лежал на спине, светлыми глазами глядя в небо.

Ирка немного посмотрела — он не шевелился. Рядом с ним лежал Костя и, казалось, мирно спал. Собравшись с духом, Ирка открыла дверцу и боязливо, стараясь не наступать на тело, вылезла из машины. Она потрогала Костю — слава Богу, он

был вполне живой и теплый.

— Костя! — жалобно позвала она.

Костя с усилием приоткрыл один глаз и что-то прошептал.

Она наклонилась поближе:

— Что-что?

— Ник...кому не говори. Посадят... тебя. Я чуток посплю.

И он на самом деле заснул.

Ирка оглянулась. Вокруг нее — поляна с тремя трупами, заляпанная кровью машина, и отрубившийся Костя. Это минус. К тому же до вечера еще далеко, и отдыхающие грибники могут запросто сюда забрести. Но, поскольку поляна не прямо прилегает к шоссе, а отделена от него еще несколькими полянами, то, может, никто сюда и не заглянет. Это — плюс.

С другой стороны, подумала Ирка, было бы гораздо хуже, если в качестве трупов полянку бы сейчас украшали они с Костей.

Она подхватила Костю подмышки и постаралась оттащить его подальше, к невысоким кустам, которые возвышались метрах в трех от джипа. Ей удалось оттащить его сантиметров на десять. и она поняла, что не справится. Попытаться растормошить его было бесполезно. Оставалось надеяться, что действие одурманивающего препарата пройдет, и он очнется. Весь вопрос в том,

когда это произойдет. Пока, к счастью, пульс его бился ровно, и умирать он вроде не собирался.

Ирка сидела на поляне со спящим Костей. Она слушала мирный стрекот кузнечиков, смотрела на пестрый ковер из цветов, от которых над поляной поднимался сладкий медовый запах, и пыталась не сойти с ума.

Солнце поднялось совсем высоко и жарило вовсю. Костю надо было оттащить в тень. Она встала и, стараясь не смотреть назад, снова подхватила его подмышки. Однако тут же замерла, прислушиваясь к рокоту мотора подъезжающей машины. К счастью, машина остановилась, не доезжая до поляны.

— Мама, смотри, — раздался негодующий детский голос. — Наша полянка занята.

Мужской голос пророкотал что-то, невнятно и недовольно.

— Ладно, Миша! — успокаивающе сказал женский голос. — Тут недалеко еще есть...

Потом урчание мотора заглушило голоса, и машина уехала.

Ирка перевела дух. Наверное, подумала она, они поехали на ту полянку, где они с Костиком обсуждали положение дел. Ну что же, люди ей пока не нужны.

Вдруг она услышала бодрую мелодию из

Кармен. «Гореадор, там ждет тебя любовь!» — весело обещал приятный мужской тенор.

— Ничего тебя уже не ждет, — пробормотала Ирка, сообразив, что это звонит мобильный у кого-то из бандитов. Вскоре сопрано замолкло, очевидно, разочаровавшись в нынешних Хосе. Зато ожил другой мобильный, заиграв гимн Советского Союза. Кто-то явно обзванивал бандитов, интересуясь, как они выполнили свою миссию.

Она стряхнула с себя оцепенение. Надо действовать! Пока милиция не появилась, и не забрала все вещественные доказательства, надо... Что же надо делать? Ага! Надо обшарить их карманы.

Убитый ею студент по-прежнему лежал у джипа, мертвыми глазами глядя на Ирку. Нож, на котором виднелась Костина кровь, даже после смерти оставался в его руке.

Под головой «студента» была загустевшая лужица крови. Она попятилась назад, не отводя от нее взгляд. Ей вдруг показалось, что лужица на глазах становится больше.

— Ну и пусть, — храбро подумала Ирка. Она должна узнать, кто они такие. Надо, в конце концов, знать, кого ты убила, — тем более, когда ты убила троих.

Кровь блестела под головой у «студента». Дурак. Садист чертов. Жил бы себе, да маму

радовал. Небось, пятерки из университета домой носил.

Теперь зазвонил телефон и «студента» в кармане. Какая жалость, что Костя в полном отрубе. Ответить бы сейчас на звонок, только мужским голосом. Может быть, что-нибудь и прояснилось бы.

Стараясь не наступать на лужицу крови, Ирка подошла к дверце водителя. Она щелкнула и открылась.

Ирка оглянулась на Костю, убедилась, что он дышит, и, приговаривая: «посмотрим-посмотрим», — залезла в карман. Гром не грянул, бандит не вскочил с оскаленной мордой, и она, зажмурившись, вытащила из его кармана мобильный телефон. Отлично. Там наверняка записная книжка с телефонами. Она наклонилась, и проверила другой карман. Для этого ей пришлось почти обнять убитого водителя. В другом кармане было пусто. Ирка растерялась. Не может быть, чтобы у него больше ничего не было. Она разогнулась и внимательно осмотрелась. Теперь, когда у нее появилась цель, она обрела способность действовать вполне трезво. Так. Рядом с водительским сиденьем лежала барсетка. Возьмем ее. Отлично. В бардачке карта Москвы и Московской области и скомканные денежные купюры — это мы оставим хозяину, не мародеры

же мы, в конце концов. Больше в бардачке ничего не было.

Потом она обошла машину и посмотрела на своего бывшего соседа справа, который сидел на заднем сиденье, привалившись спиной к дверце. Кажется, студент называл его Удодом. Она, решившись, открыла дверь, и он вывалился на нее.

Ирка взвизгнула и отскочила.

— Костя! — простонала она. — Соня несчастный!

Без записных книжек уйти нельзя, — это Ирка отчетливо понимала. Во-первых, у бандитов могут записаны их с Костей телефоны и адреса, по которым милиция сразу выйдет на них, и обвинит ни в чем не повинного Костю. Следователь Малахов ни за что не поверит, что это Ирка всех грохнула и обвинит Костю. Надо забрать все улики.

Чудом не упав в обморок, она обшарила карманы всех бандитов и вернулась к Косте.

Весь свой улов, включая три мобильных телефона, одну записную книжку и какую-то мелочь, которую она пока не разглядела, Ирка сложила в барсетку. Немного подумав, она вытащила мобильные телефоны и аккуратно отключила их один за другим. Пусть уж лучше тот, кто так хочет дозвониться до бандитов, считает, что абонент находится вне зоны действия сети. Судя по тому, что некто звонит им всем троим по очереди,

то это наверное шеф дозванивается до своих шестерок, — подумала Ирка, и очень порадовалась своей способности здраво мыслить в экстремальных обстоятельствах. А в том, что обстоятельства были экстремальной некуда, сомневаться не приходилось. Если его подручные убийцы не будут ему отвечать, подумала она, это его насторожит раньше времени. А им с Костей нужно время.

Потом она пристроила чехол от автомобильного сиденья над Костей так, чтобы солнце не падало ему на лицо, и принялась ждать.

— Есть Бог на свете, — пробормотала она сквозь зубы, когда еще одна машина, завидев издали джип, повернула обратно.

Костя очнулся, когда стало почти темно. Он сначала зажмурился, потом приоткрыл глаза и посмотрел вокруг.

— Так я и знал, — заявил он, и отключился еще минут на пятнадцать. Ирка терпеливо ждала, отгоняя от него комаров.

— Ир! Мне приснилось, или ты на самом деле замочила трех мужиков? — слабым голосом спросил Костя.

— Боюсь, что в самом деле, — виновато сказала Ирка и пообещала: — Я больше не буду.

Костя немного помолчал, переваривая услышанное.

— Нас никто не видел? — уточнил он.

— Вроде нет.

— Это хорошо, — сказал Костя, и посмотрел на небо, в котором появились первые звезды. — Значит, у нас есть время до утра.

Он попробовал пошевелиться, и ему это, наконец, удалось.

— Голова, как котел, — пожаловался он. — Чем они меня, сволочи...

Кряхтя, он поднялся, и тут же сел.

— Плохо тебе? — участливо спросила Ирка.

— Если бы не лес и не бандиты, мне было бы хорошо, — вздохнул Костя. — Пистолет где?

— Я не знаю... я его, кажется, в машине бросила.

Костя проворчал что-то, и с трудом встал.

— Ты куда? — испуганно спросила Ирка.

— Не оставлять же пистолет с твоими отпечатками, — буркнул Костя. — Показывай место действия.

Ирка продолжала молча сидеть.

— Эй! Ты меня слышишь? — окликнул ее Костя.

— Давай милицию вызовем, — предложила Ирка. — Я все расскажу...

— С ума сошла? — возмутился Костя. — Жить надоело? Во-первых, — начал он загибать пальцы, — нам никто не поверит. Решат, что мы

этого самого полковника друга-приятеля.

— А во вторых что?

— Во-вторых, нам объяснят, что мы превысили необходимую оборону. С точки зрения милиции, ты имела право убить их только после того, как они убили бы тебя.

Ирка вздохнула.

— А с твоей точки зрения?

— С моей точки зрения ты — молодец! — сказал Костя восхищенно. — Сама, что ли не понимаешь? Такой реакции, как у тебя, ни одного омоновца наверняка нет.

Ирка немного приободрилась и помогла Косте встать.

Несмотря на то, что стало почти темно, увиденное в машине Костю впечатлило. Он присвистнул:

— Никогда не видел столько кровищи. Ищи пистолет, а то скоро стемнеет совсем.

Пистолет валялся на земле, у самой машины. Ирка наклонилась, чтобы его поднять.

— Нет уж! — воскликнул Костя. — Там, наверное, еще патроны остались.

— Ну и что? — удивилась Ирка. — Я же не буду стрелять.

К счастью, пистолет был повернут дулом в сторону переднего колеса, и пуля продырявила его. С деревьев вспорхнули птицы, а Костя, почему-то,

наоборот опустился на землю.

— Ты ведь не ранен? — испуганно спросила Ирка.

— Пока нет. Отдай пистолет и отойди от греха.

Испуганная Ирка отошла и притихла. Костя долго возился в машине, потом выпрямился, и недоуменно сказал:

— Ничего не понимаю. Всю машину обыскал, а ключей нет.

— Ой, Костенька. Может быть они в барсетке?

— Так и барсетки никакой нет.

— А барсетка... она там, рядом с тобой. То есть, тебя там уже нет. Но ты там только что лежал, — пролепетала Ирка.

Костя немного помолчал. Наверное, считал до десяти, — подумала Ирка. Нет, наверное до ста, — вскоре решила она. Впрочем, Костя обрел дар речи.

— Тащи! — прорычал он.

Ключи в барсетке нашлись, и Костя открыл багажник. Порывшись, он извлек оттуда тряпки, вылил на них немного бензина, и стал тщательно протирать пистолет.

— А может, мы его куда-нибудь в речку?

— Не может! — отрезал Костя. — Откуда тогда у этих друзей возьмутся огнестрельные ранения? Нет, это они друг друга перестреляли.

— Думаешь, поверят? — спросила Ирка.

Костя пожал плечами:

— Попробуем.

Когда пистолет был несколько раз отполирован до блеска, Костя, держа его за дуло тряпкой, осторожно вложил в руку студента, и прижал его указательный палец к курку.

Ирка подпрыгнула.

— Это, наверное, последняя пуля, — сказал Костя, когда птичий гомон затих. — Зато на его пальцах остался след пороха. И на курке — его пальчик.

— Сюда сейчас вся округа сбежится, — пробормотала Ирка.

— Далековато бежать. Ближайшая деревня километра за четыре отсюда, — успокоил Костя, и аккуратно положил пистолет в машину. Потом он распахнул дверцу джипа и наклонился к студенту.

— Бери его за ноги, — скомандовал он Ирке.

— Зачем?

— Мы его в машину затащим.

Не задавая вопросов, Ирка помогла Косте затолкать бандита в машину. Костя обошел джип, и, отвинтив пробку, старательно смочил все тряпки, какие только нашел в багажнике, бензином, бросил вовнутрь, и поднес зажигалку.

Взрыв раздался, когда они добежали до дороги.

— Не успеем уехать, — пробормотала Ирка. — Пока мы до нашей машины добежим, тут уже куча народу окажется.

Но, похоже, единственными, кого беспокоила полыхающая машина, были птицы. А им вызвать милицию было неоткуда.

До Костиной Ауди было меньше километра. Костя рухнул на сиденье, и несколько секунд сидел зажмурившись.

— Костик. Костя! — испугалась Ирка. — Ты что? Эй, скажи что-нибудь.

— Я не смогу вести машину, — виновато пробормотал он.

— Это ничего Я умею. Меня дед учил. Ты только дорогу показывай.

Деревня была недалеко, и в нее вела прямая дорога.

Перед самой деревней была узенькая речка, через которую был переброшен хлипкий деревянный мостик.

— Вписалась, — слабо улыбнулся Костя. — Молодец.

Ирка молча продолжала вести машину.

— Налево, — сказал Костя, и она свернула на деревенскую улочку, отсчитала шестой дом от ее начала, и остановилась в двадцати сантиметрах от гаража. Ее начинало трясти.

— Костя! — позвала она. — Я ее сейчас

разобью. И что это у меня руки так дрожат! — удивилась она. — Я уже ни капельки не волнуюсь! Ой!

Теперь у нее задрожали и ноги. Костя покосился на нее и торопливо перехватил руль.

Пока Костя заводил машину в гараж, Ирка стояла рядом, и доказывала ему, что она — преступница, и ее надо посадить в тюрьму, или лучше наградить медалью за то, что она избавила милицию от грязной работы, а пистолеты пусть ей в руки больше не дают, и не просите! Потом она заявила, что из-за Кости у нее размазалась вся тушь, и разревелась.

Костя всерьез перепугался.

— Водку будешь? — спросил он.

— Бу... буду, — продолжала реветь Ирка, размазывая и без того размазанную тушь. — М-м-м... м-м-м...

Костя на всяких случай ее немного встряхнул.

— М-м-много! — вывалилось из Ирки.

Костя резво побежал в дом.

— Ты куда!! — возопила Ирка, отмахиваясь в темном дворе от обступавших ее многочисленных окровавленных призраков, и затрусила за ним следом.

Костя уже бежал ей навстречу, расплескивая водку в стакане, и, крепко взяв ее за голову, влил ей все.

— Вот и умница, — сказал он, когда Ирка откашлялась. — Вот и хорошо.

И он включил свет:

— Мать моя! — воскликнул он.

Ирка посмотрела на себя и взвизгнула. Она была вся в крови.

Отмываясь в холодной Костиной бане, она громко требовала, чтобы он не смел уходить, но не вздумал к ней поворачиваться.

Когда она в Костиной рубашке и шортах села за кухонный стол, она поняла, что именно это ей и было надо, — яркий свет, еда, и Костя, пухлый, уютный и сонный, который пытался снять ее нервное напряжение.

Он поставил перед ней еще рюмку водки.

— Не то, чтобы я тебя спаивал, — сказал он, — но я думаю, что сейчас и этого тебе не хватит.

Ирка, зажмурившись, послушно махнула водки и торопливо сунула в рот тушенку.

— Слушай, а кроме тушенки у тебя что-нибудь есть? — спросила она, вдруг почувствовав зверский голод.

— Ага! — обрадовался Костя. — Возвращаешься к жизни? В огороде картошка есть. Молодая. Только копать надо.

Но до картошки дело не дошло. У них хватило сил только дойти до кровати и уснуть мертвым

сном.

В обгоревшем остове машине лежало сожженное тело, положив голову на приборную панель. Его лицо скалилось в страшной улыбке, обнажавшей лицевые кости. На неподвижное лицо упал лунный луч, осветив его голубоватым светом. Сожженные глаза дрогнули провалами глазниц, и повернулись вправо. Туда, откуда Ирка стреляла. Тело оставалось неподвижным. Только рука поднялась и потянулась в черную глубину, сжимая Ирке горло стальной хваткой.

Сердце Ирки упало, и она провалилась вместе с ним в темную бездонную пропасть. Но сверху, как спасательный канат, раздался знакомый голос:

— Что ж ты так орешь?

Ирка проснулась и резко села в постели, сбросив Костину руку со своего горла..

— У меня кошмары, — пожаловалась она.

— М-м-м, — согласился Костя, и повалился на подушку. — Хорошо.

— Что хорошего-то? — возмутилась она. — Костя! Да ты опять спишь!

Она стала его трясти, но Костя только морщился и мычал.

Ирка вздохнула и устыдилась. Все-таки Косте, отравленному бандитским зельем, надо было дать отоспаться.

Она проснулась оттого, что ей в лицо лилось щедрое июльское солнце, и под окном перелаивались деревенские собаки. Все было мирно и спокойно.

Под ее боком, наконец, зашевелился Костя. Очень энергично зашевелился, — машинально отметила она, и, осторожно соскользнув с кровати, отправилась сооружать завтрак.

В большом загородном доме нервно курил пожилой грузный человек, вглядываясь в темноту за окном. Время от времени он звонил куда-то по мобильному телефону, но каждый раз механический мелодичный голос извещал его, что абонент недоступен, и что кто-то там надеется на его понимание. Понимания у него как раз не было. Он категорически не понимал, почему Удод до сих пор не явился к нему с докладом, и вообще, где он до сих пор шляется.

Еще он категорически не понимал Молчанова. Станный тип. Теперь, когда Полковник передал все ему — а в том, что Полковник передал, сомневаться не приходилось, — то почему он не действует? Хитер, собака. Своими руками действовать не хочет, нанял парочку. Ну, ничего, Удод с ребятами из них все вытянут.

Человек поежился, представив жутковатые кровавые подробности. Все-таки Удод — не их

круга человек. Как все это грубо, и некрасиво, — фи!

В комнату неслышно вошла большая собака и пристроилась у камина, примостив голову на мягкой тапочке человека. Человек раздраженно дернул ногой. Собака обиженно заворчала, встала, презрительно посмотрела на него, и гордо удалилась в угол.

Человек вскочил — казалось бы, чего ему не сидеть в мягком уютном кресле у горящего веселым огнем камина. Читал бы себе Диккенса долгими вечерами и наслаждался жизнью. Внуков бы нянчил, в конце концов. Но вместо этого человек бегал из угла в угол и сердито звал некоего Анатолия.

Анатолий — некрупный мужчина с остроконечной чеховской бородкой, — позевывая, вошел в зал.

— Ну чего вы не спите, Павел Андреич! — с укором сказал он. В отличие от хозяина, Анатолий был абсолютно спокоен, потому что в деле своего интереса в этом деле не имел.

— Все бы вам спать, — проворчал Павел Андреич. — Кто сейчас занимается Молчановым?

— Удод с ребятами и занимается.

— Так он же должен был с той парочкой поработать?

— Они все втроем за парочкой и поехали.

Скорей всего, отработали там уже. А сейчас они в больнице, наверное. А вы им названиваете. Подставьте их еще... правильно они сделали, что телефоны отключили, — заключил Анатолий.

Он готов был предлагать шефу одну успокаивающую версию за другой, потому что у него не было пока старческой бессонницы, и ему до жути хотелось спать.

— Утром они и придут, наверное. Что же им сюда ночью тащиться, вас будить. Небось, ребята с уважением, с пониманием...

Он тактично намекнул, что ночью даже им положено спать, и до утра, как ни крути, все равно никаких действий предпринять не удастся.

Человек еще немного поворчал, посмотрел на камин, и, шаркая, побрел в спальню.

Костя проснулся и стал соображать, то ли ему ночью снился странный сон, то ли его и вправду пытались убить. И Ирка его спасла. Ощувив, как вполне наяву болит место укола, он понял — и правда, спасла. Это Костю очень порадовало, — раз спасла, значит он, Костя, что-то для нее значит. Все-таки Ирка — необыкновенная девушка. Справиться с тремя бандитами в одиночку девушка обыкновенная не сможет. Вот если бы у нее еще появилось обожание во взгляде...

Ирка, стоя у плиты в его рубашке, разогривала

остатки тушенки. Это зрелище Косте очень понравилось. В смысле, понравилась Ирка в его рубашке — так это смотрелось по-семейному, черт возьми! Такая семейная эротика. Говорят, что в семьях такое иногда бывает, — когда, хоть и семья, но в то же время эротика. Тушенка ему понравилась не меньше. Вчера у него не было аппетита, а сегодня он бы с удовольствием чего-нибудь пожевал.

Ирка поставила сковородку на стол.

— Можно нарвать в огороде зелень, — предложила она.

— Некогда! — деловито заявил Костя, набрасываясь на еду. Ирка с удивлением заметила, что он свеж и подтянут. — Нам надо в город. Теперь они могут попытаться достать Леню.

— Хорошо, — послушно согласилась Ирка. После того, как Костя лихо уничтожил следы их участия в лесу и, судя по всему, продолжал действовать вполне решительно и разумно, он стал казаться ей стройным блондином. Во всяком случае, Костина пухловатость больше ее не беспокоила.

Когда Ирка собиралась, она первым делом схватила бандитскую барсетку, в которой с трудом умещались три «конфискованных» Иркой телефона. Костя Иркины действия очень одобрил, но барсетку решительно отобрал и засунул ее в хозяйственную

сумку, которую сам и понес в машину. Ирка только поражалась: Костина робость и заискивание перед ней куда-то подевались, и новый Костя — решительный и энергичный, — начинал нравиться ей все больше. Она представила себе, как сейчас вел бы себя «Бобик», и вдруг хихикнула.

— Так-то лучше, — улыбнулся ей Костя и попытался выжать со своей Ауди шестьдесят километров с места.

— Надо найти полковника! — заявила Ирка, искоса поглядывая на то место, где они вчера вечером выскочили из леса.

— Ага! — охотно согласился Костя. — Только и делов. Найдем полковника — и порядок. Полковник! — заорал он, заглядывая под сиденье. — Выходи! Нету полковника. Ау! Полковник!

— Ладно тебе, — невольно засмеялась Ирка. — Может, Леня его знает?

Леонид, как ни в чем ни бывало, лежал на кровати и ел стоявший на тумбочке суп. Увидев Костю с незнакомой нахального вида девицей, он чуть не подавился. Когда Костя, поздоровавшись, подошел поближе к нему, он судорожно прикрыл тарелку ладонью. Костя привычно удивился — Леониду всегда удавалось чем-нибудь его сильно удивить:

— Ты боишься, что я его отберу, или — что отравлю? — кивнул он на тарелку с супом. Леонид покраснел. Девушка, пробормотав что-то, что должно было означать приветствие, — во всяком случае, Леониду хотелось думать, что это было приветствие, хотя Костя слышал что-то вроде «торопились, как идиоты», — стала выгружать на тумбочку фрукты, и рядом положила толстый блокнот и ручку:

— На случай, если вам захочется творить! — заявила она.

Леонид растаял. Человек, признававший его творческую натуру, мог рассчитывать на его полное и безоговорочное доверие.

— Вас тут не охраняют! — безапелляционно заявила девушка.

— Не охраняют, — ужаснулся Леонид.

— К тебе никто чужой не заходил? — поинтересовался Костя.

— Не заходил, — вздохнул Леонид, осуждая такое отсутствие интереса, пусть и криминального, к своей персоне.

Девушка, которую Костя называл Иркочкой, вдруг потеряла к нему всякий интерес. Они с Костей стали разговаривать так, будто его, Леонида, тут вовсе не было:

— Днем они вряд ли осмелятся, а ночью надо его куда-нибудь перетащить. Причем так, чтобы

даже врачи не знали, где он будет.

Леонид попытался вмешаться:

— Кто осмелится? На что осмелится? Зачем меня перетащить? Ку...

Но Костя не обратил на него никакого внимания:

— Чтобы меня обвинили в его похищении? Нет уж. Пусть его милиция охраняет.

Надо с Малаховым поговорить.

Похолодевший Леонид слабым голосом осведомился, от кого его будут охранять.

— Ну, как же! — повернулась, наконец, к нему девица по имени Ирка. — Раз в вас стреляли и не убили, они могут попытаться еще раз вас достать. Здесь, например.

Леонид решил, что это вполне возможно, и запоздало ужаснулся:

— А я целую ночь был здесь совсем один! — пожаловался он, и посмотрел на Костю. Прочитав в Ленином взгляде только терпеливое ожидание, когда его начнут спасать, Костя тяжело вздохнул. Видно, от него будет мало толку. Велев ему в случае чего громко кричать и дав еще пару столь же полезных советов, они ушли, пообещав попросить у Малахова вооруженную охрану у его палаты.

Выйдя из больницы, Костя заторопился на работу. Ирка попробовала повозмущаться, но Костя

был неколебим. Он велел Ирке сидеть дома тихо и не высовываться, пообещал, что заедет по дороге в милицию поговорить с Малаховым, и умчался, оставив Ирку в состоянии некоторого остоленения. Единственное, что она успела сделать — выхватить из машины пластиковый пакет с бандитской барсеткой, которую Костя отдал не без сопротивления.

«Ну и дела», — пробормотала она себе под нос, глядя вслед Костиной машине. Обычно он умолял ее побыть с ним еще немного, но Ирка категорически ссылалась на дела и уходила.

Она немного потопталась и пошла обратно в больницу. Проходя внутрь, она убедилась, что пройти туда мог любой, и пронести с собой хоть целый арсенал оружия — никто и не заметит. В вестибюле была раздевалка, где на крючках сиротливо белели халаты. Халаты, вероятно, должны были выдаваться через окошко в стене, и перед этим окном послушно стояли несколько женщин. Но Ирка была не из тех, кто будет послушно стоять только потому, что перед ней — дверь. Она тихонько дернула за нее. Дверь оказалась незаперта.

— Гардеробщица сказала, что сейчас придет, — сочла своим долгом сообщить женщина, стоявшая впереди.

— Не беспокойтесь, — вежливо ответила ей

Ирка, нимало не заботясь, что ее ответ мало соответствует реплике женщины. Правда, сама женщина этого тоже не заметила. Поэтому Ирка спокойно вошла внутрь, надела халат, выдала халаты всем, кто в них, очевидно, нуждался, выслушала их горячую благодарность, и вместе со всеми остальными вошла из вестибюля собственно в запретную зону, которую должна была сторожить вахтерша, сидя у двойных застекленных дверей рядом с телефоном. Телефон был на месте, а вот вахтерша куда-то отлучилась. Поэтому все ошастливленные Иркой женщины беспрепятственно поднялись по центральной лестнице и разбрелись по этажам.

— Безобразие, — подумала про себя Ирка, и дошла до самой палаты, не встретив по дороге никого, кроме больных. Решив, что она обязательно нажалуется Малахову, Ирка вошла в палату.

— Я забыла вас кое о чем спросить, — объяснила она удивленному Леониду и присела рядом с ним. — Скажите, вы с бандитами никогда не имели дела?

Леонид так удивился, что даже позабыл ответить, глядя на Ирку во все глаза. Ирка решила сформулировать вопрос поддипломатичней.

— Ну, может быть, вы сначала не знали, что он бандит, а потом узнали, и раззнакомились с ним. Знаете ведь, какие нынче бандиты импозантные

бывают.

— Нет, не знаю, — твердо отвечивал Леонид.

— Тогда, может быть, вы хотя бы слышали какие-нибудь их клички? Или фамилии?

Глядя на Иркино лицо, выразившее напряженное ожидание, Леонид изо всех сил напряг память.

— Я слышал про одного... — Леонид мучительно напрягся, стараясь не оплошать. — Ленька! — обрадовался он. — Ленька Пантелеев. Я читал. А еще был такой... Япончик. Я тоже читал!

Блеснув своими познаниями в области ранней советской криминалистики, сияющий Леонид картинно откинулся на подушки, и ойкнул, задев плечо.

— Тяжело с вами, — сокрушенно сказала Ирка. — Прямо не знаешь, где искать.

— А разве милиция не ищет? — встревожился Леонид.

Ирка пожала плечами:

— Ищет, наверное. Да ведь сами знаете, по сколько у них на каждого дел. Пока найдут...

Ирка погрузилась в раздумье, думая, что ей делать дальше. Леонид вежливо ждал. Когда пауза стала неловкой, он негромко покашлял. Ирка встрепенулась и вопросительно посмотрела на него.

— А вы... вы частный детектив? —

поинтересовался Леонид.

— Я? — удивилась Ирка. — Нет. Просто Костя чувствует за вас ответственность, — объяснила она. — Он же вас уволил за ваших «незакадычных друзей» и теперь беспокоится, как вы будете без него.

Теперь удивился Леонид. Он-то несколько не беспокоился, как он будет без Кости, потому что когда папа — начальник налоговой службы города, то беспокоиться о таких вещах надо совсем не Лене. Пусть другие беспокоятся. Те, кто не захотел принять Леонида на работу. Правда, раз Костя беспокоится, может быть, у него есть основания? Например, он мог где-нибудь услышать, что папу скоро снимут с должности. Скажем, за использование служебного положения. Теперь и Леонид забеспокоился.

— А он найдет преступников? — спросил он. — У него же совсем нет опыта в этом деле.

— Я ему помогу, — успокоила его Ирка.

— А, — неуверенно пробормотал Леонид, — ну тогда... тогда хорошо.

Домой Ирка мчалась со всех ног. Ей не терпелось заглянуть в бандитские мобильники, пока они не разрядились, и выписать из справочников все телефоны. А если повезет, — размечталась она, — то там могут быть и интересные смс-ки. А

вдруг там в справочнике так и написано — полковник! И номер телефона, — мечтала она, раскладывая телефоны в своей комнате на письменном столе! И она ему позвонит, и скажет... то есть нет, женским голосом с ним разговаривать нет смысла. Вот Костя придет, и позвонит, и скажет...

Что Костя ему скажет, она додумать не успела, потому что в дверь позвонила Танька. У них с подругой был свой условный перезвон: «открыва-а-ай поскорее-е-ей, не томи у дворе-е-ей», — выпевали они в детстве, давя на звонок и сводя с ума родителей.

Танька налетела, как ураган.

— Ты где пропадаешь? — вместо приветствия, набросилась она. — Сама сказала, что поехала с Бобиком в ресторан, а исчезла на сутки. Разве в ресторане сидят столько? Или, — подозрительно спросила Танька, — теперь есть такой круглосуточный ресторан? Но только что там делать столько времени?

— Там? — проямлила Ирка. — Ну, танцевать, и все такое...

— Что — все такое? — жадно набросилась на нее Танька. — Что там за извращения? Говори!

— Все бы тебе извращаться! — искренне возмутилась Ирка. — И вообще отстань, ни в каком ресторане я не была, и уж тем более с Бобиком!

— Ирка! Не темни! Где была? Говори немедленно.

Пришлось признаться, что она была у Кости на даче. Танька изумленно распахнула глаза. Поскольку глаза у нее были огромные, это заняло некоторое время, в течение которого Ирка сама смогла перейти в наступление, перетащив Таньку на кухню и достав упаковку ее любимого кофе.

У Таньки было полно новостей, поэтому без кофе было никак не обойтись. Налив себе большую чашку покрепче, Танька уселась за стол, удовлетворенно наблюдая, как Ирка достает из холодильника пирог с яблоками и ставит его в микроволновку.

— К Свинпину приехала мама, представляешь?

Свинпин был никто иной, как Танькин бой-френд. Своим прозвищем он был обязан вовсе не тому, что он был похож на свинью, или на пингвина, как вначале думали многие Танькины друзья. Просто у него волосы росли немного ежиком, и это заметила Ирка, изучавшая когда-то датский язык. Ежик по-датски — пинсвин, о чем она радостно поведала Таньке. А поскольку Танька всегда все путала, то тут же прозвала его Свинпином. С тех пор Ирка успела забросить датский, заявив оскорбленному преподавателю, что правила чтения датчан — это нарушение прав

человека, и этот язык следует отменить специальным указом Организации Объединенных Наций. Но к бедному парню кличка накрепко приклеилась, и все, включая его самого, немедленно забыли его настоящее имя.

Таньку Свинпиновская мама никак не хотела принимать всерьез. Поэтому обругивала все, что видела в квартире сына, рассчитывая, что это заденет и присосавшуюся к нему тощую деваху. Она смотрела всегда не на Таньку, а мимо нее куда-то вбок, и сообщала кухонному шкафчику, что ходят всякие, которым дома не сидится, только грязь в квартиру пускают. А вот что ванны без клапанов теперь только у голоты имеются, и надо ванну с большим таким клапаном поставить, — это сыночку некому подсказать. Тут мамаша повышала голос, потому что сыночек в этом месте из кухни выскакивал, и исчезал в недрах квартиры, бросив на Таньку с Ирккой извиняющийся взгляд.

— И посуда-то, — надрывалась мамаша, — срамота смотреть.

— Мы будем вам очень благодарны, Зоя Карповна, — однажды сказала Танька, — если вы нам привезете новую. Какая вам нравится.

Ирка тогда, помнится, здорово удивилась, что у зловредной мамашаи есть имя. Зоя Карповна пожевала губами, и сообщила, что фиг она чего привезет, потому что Танька немедленно себе все

захапает, и пустит Свинпина по миру в чем мать, то есть она, Зоя Карповна, родила.

— Ирка! — заныла Танька. — Пойдем к нам, а? Мой Свинпин куда-то до вечера свинтил, а меня оставил с мамашей разбираться. Не оставляй меня с ней одну, а?

— Он у тебя действительно большой свин, — удивилась Ирка. — Что ж он тебя с ней оставил? Разбирался бы сам...

Танька задумчиво пожевала пирог.

— По-моему, — сказала она, — Свин боится, что мать его убедит, что я кругом плохая. Вот и удрал. Ну, а меня-то, — засмеялась она, — никто не убедит. Потому что я — просто прелесть, — заключила она, и откинулась на табуретке, переваривая пирог и страдая от жары. Солнце вовсю жарило в окна, и даже открытый балкон не помогал.

— Пойдем в кресле посидим, — предложила она, и рысцой побежала в Иркину комнату, коварно стремясь занять Иркино любимое кресло-качалку. Ирка по привычке бросилась за ней следом, зная, что Таньку все равно ей не опередить. Но Танька затормозила в дверях.

— Это что у тебя? — она оторопело ткнула пальцем в разложенные на Иркином столе телефоны. И добавила хриплым шепотом:

— Ты воруешь телефоны?

Прежде чем Ирка успела придумать, что соврать, Танька уже понеслась вскачь:

— Слушай, у тебя что, проблемы с деньгами? Так я тебе могу дать, у нас сейчас со Свинпином период длительного благоденствия, ты же знаешь...

— Я не ворую... — попыталась вставить Ирка, но ее никто не слушал. У Таньки загорелись глаза, и она пожелала узнать, как Ирка промышляет телефонами: открыто срывает со шнурочков, когда они висят на шее, или вырывает из рук, или потихоньку таскает из карманов...

— А знаешь, — осенило Таньку, — можно еще у какого-нибудь симпатичного мужика попросить позвонить, и убежать...

— Да успокойся ты! — прикрикнула Ирка, отчаявшись ее остановить. — Ничего я не ворую.

Танька разочарованно захлопала ресницами.

— Это просто... ну, просто... один Костин, — сообразила она, — другой — мамин. А третий — мой. Новый мой, — уточнила она, потому что Иркин складной «Эриксон», на крышке которого поблескивал голубой огонек, Танька прекрасно знала.

— А старый твой где? — любопытствовала Танька.

— Вот!

Ирка положила свой любимый телефончик рядом. Теперь на столе их уже лежало четыре.

Танька задумчиво созерцала эту коллекцию, и вытасила свой телефон.

— Смотри, а у меня точно такой же, как у твоего Кости. Даже чехол такой, — сообщила она, и примостила свой Самсунг рядом с псевдо-Костиным телефоном, который на самом деле принадлежал студенту. Теперь на столе красовалось пять отличных телефонов. Ирка невольно залюбовалась этой коллекцией, надеясь что Танька не станет спрашивать, почему мама и Костя дружно отдали ей свои телефоны. Хотела ли Танька о чем-нибудь спросить, или нет, осталось неизвестным, потому что из прихожей послышалось протяжное:

— Дорогая, ты дома?

Пока Ирка размышляла, откуда у Вовы — Боба взялось это приторно-светское выражение, изнемогающий от страсти и непривычно долгого воздержания Боб ввалился в комнату, и весь сморщился, увидев Таньку. Он терпеть не мог, когда она приходила к Ирке, потому что бестактная Танька называла его Вовой и спрашивала, сам ли он подстригает усы под носом. Ирке казалось, что она делает это нарочно, но она ее не останавливала, потому что Боб очень смешно злился и выходил из себя.

— Привет, — неохотно выдавил он из себя, и его взгляд упал на коллекцию телефонов на

Иркином столе.

— Привет, Вова, — выговорила Танька, демонстрируя безупречную дикцию. — Проходи, Вова.

Она встала, загородив собой стол, якобы для того, чтобы скрыть следы их с Ирккой несуществующего преступления. — У тебя есть с собой мобильный, Вова?

Вова-Боб затравленно посмотрел на Таньку и нервно сглотнул.

— Э-э... вообще-то я просто... Я хотел спросить, свободна ли ты завтра вечером, — торопливо сказал он, пятясь к двери.

Ирке Танькина игра очень понравилась.

— Конечно, свободна, Боб, — грудным голосом проговорила она, надвигаясь на перепуганного возлюбленного. — Для тебя я всегда свободна, Боб! Куда же ты Боб? Боб, вернись!

Боб судорожно рванул к двери. Иркина железная дверь открывалась наружу. Если распахнуть ее до отказа, то она могла с грохотом врезаться в такую же железную дверь соседей, потому что она располагалась совсем рядом, в соседней стене, образуя с Иркиной дверью прямой угол. Но на этот раз до отказа распахнули дверь как раз соседи, потому что соседский парень Димка повел выгуливать здоровенного сенбернара, которого здорово приперло и он рвался на улицу.

Перепуганный Бобка, начав открывать Иркину дверь, услышал металлический лязг, и почувствовал, что дверь кто-то крепко придерживал снаружи. Боб отчаянно возопил, что у него нет телефона, налег на дверь посильнее, распахнул ее и сбил Димку с ног. Димка, хоть и был парень хоть куда, не мог устоять, когда дверь втокнула его обратно в квартиру, а сенбернар, наоборот, повлек его из нее. Бедный пес, будучи хорошо воспитанным, не мог остановиться, и поволок Димку за собой на улицу.

Навстречу псу, на поводке которого болтался Димка, поднималась баба Зина, — дама, хоть и пожилая, но нервная и обидчивая. Увидев неотвратимо надвигающегося на нее пса и услышав Бобкины громкие уверения, что у него нет телефона, баба Зина остановилась и строго окинула их взглядом. Влекомый сенбернаром Димка как раз переезжал животом лежащего на площадке Боба. Баба Зина строго приказала всем остановиться.

— У меня нет телефона! — вопил Боб, зачем-то держа в руке черненькую Нокию.

— Фу! Стоять-ять-ять...! — попытался сказать Димка сенбернару, пересчитывая животом ступеньки.

— Я стоять?! — удивилась баба Зина, и шлепнула кошелкой Димку по спине. К этому времени они с собакой успели подмять ее под себя.

Из-под сенбернара доносилось приглушенное: «Милиция!», прерываемое уверениями об отсутствии телефона и всех материальных ценностей — и сейчас, и вообще.

Димке, наконец, удалось размотать поводок, который чуть не оторвал ему кисть, и он с трудом поднялся.

Внизу хлопнула дверь — это сенбернар вылетел на волю, сбив с ног молодого парня в синей бейсболке и темных очках, из-под которых к самой губе спускался тонкий шрам. Услышав чьи-то мольбы отпустить его и угрозы вызвать милицию, парень, кряхтя, поднялся, но войти в подъезд раздумал, и нерешительно остановился перед дверью. Дверь распахнулась и из нее вылетел Димка, орущий, что капусту из кошелки надо вынимать, и что кого-то, если тот не будет слушаться, он порежет на колбасу или сделает корейский шашлык.

Снова поднявшись, парень посмотрел Димке вслед. Разговоры про выемку капусты ему совсем не понравились, потому что делиться капустой он категорически ни с кем не хотел. С другой стороны, корейскую группировку, которая недавно очень укрепила свои позиции в знакомом ему районе столицы, он уважал, и хорошо понимал, что на шашлык они порежут любого, не моргнув глазом. Поэтому он передислоцировался в кусты, росшие

на детской площадке. Не успел он пристроиться к просвету между ветками, как мимо него промчался бледный перепуганный Боб с телефоном в руки, нервно оглядываясь.

Парень в бейсболке собрался было понаблюдать за заинтересовавшим его подъездом, но к кустам подбежал огромный сенбернар и задрал лапу. Бедная собака из-за ленивого Димки терпела долго, и струя била далеко. Парень бы сказал — била прицельно. Отряхиваясь, он выскочил из-за кустов и припустил в сторону улицы. Сенбернар терпеть не мог, когда от него кто-то убегал. Поэтому, не закончив облегчаться, и очень от этого нервничая, он побежал за парнем. Спас его Димка, который все-таки поймал его за поводок и снова стал контролировать его действия.

Парень в бейсболке торопливо пошел к зеленовато-серебристой Мазде, размышляя о том, что в одиночку соваться в этот жутковатый подъезд не стоит, и что не так там все просто.

Прислушавшись к дробному перестуку Бобкиных копыт по лестнице и, вздрогнув от финального аккорда подъездной двери, подруги пришли в экстаз.

— Он думал, что я сейчас тюкну его по голове, и заберу телефон! — восторженно закричала Ирка.

Танька тоже немного похихикала и надула губы:

— Тебе тут хорошо веселиться, — напомнила она, — а меня там свекровь со свету сживает.

— Может, пусть она тебя там одна посживает, — радушно предложила Ирка, — а ты побудь пока у меня. Пока Свинпин не придет.

— Ничего не получится, — мрачно сообщила Танька. — Я обещала слоеный пирог к его приходу. В честь приезда дорогой мамы. И вообще, Свинпин обидится, что я не уделила ей внимания. Придется идти на растерзание.

Услышав про слоеный пирог Ирка взбодрилась. После сегодняшних приключений Танькин слоеный пирог — это как раз то, что ей было нужно. Многие пытались приготовить знаменитый пирог по Танькиному же рецепту, но никто не смог даже приблизиться к идеалу. Если свекровь даже его не оценит, значит, она просто вредная старая гримза, не заслуживающая никакого снисхождения.

Пообещав Таньке, что она вечером непременно придет на пирог, Ирка не очень вежливо вытолкала Таньку за дверь и взялась за телефоны. Она включила их все сразу, и телефон водителя — пусть ему на том свете найдется местечко по возможности попрохладнее, подумала Ирка, — тут же зазвонил. Ирка испугалась и

выключила их все, решив исследовать их недра по очереди.

Справочники во все трех телефонах оказались на удивление короткими. Либо круг общения покойных бандитов был крайне неширок, либо они предпочитали хранить свои записи в другом месте. Во всех присутствовал некто Бугор, в двух телефонах было по две Любы и по одной Гале, а справочник телефона водителя хранил в себе телефон некоего Паши, «телки — 1», «телки — два», и одного «козла». И все.

Ирка разочарованно вздохнула. Он все же надеялась обнаружить там что-нибудь типа: «Шеф», «Общак», или, на худой конец, «Хозяин». Одно успокаивало, — что ни их с Костей телефонов, ни телефона Леонида там не было. Хотя, с другой стороны, созваниваться с ними было не их дело. Если они шестерки, то они должны ехать туда, куда их пошлет кто-то другой. Тот, у которого их телефоны вполне могли быть. Ирка сокрушенно посмотрела на телефоны. Значит, придется искать Хорошо бы, подумала Ирка, позвонить по всем номерам до того, как их хозяину станет известно об их гибели. Иначе разговора не получится.

Ирка с трудом дождалась, когда Димка выгуляет сенбернара и вернется домой. Она перехватила его на площадке и затащила его к себе.

— Ты разбил лоб моему другу, и мое

сердце! — заявила она ошеломленному Димке, который пытался удержать рвущегося на кухню сенбернара. — Только одно может меня утешить.

Димка вообразил, что Ирка предлагает ему занять место ее друга, оглянулся в сторону спальни и просиял.

— Я сейчас, только собаку домой заведу, — радостно сказал он, — и я к твоим услугам.

Недоумевая, чему Димка так обрадовался, Ирка немного неуверенно кивнула головой. Собака, действительно, могла причинить большие разрушения.

Видимо, Димка втолкнул собаку домой, не заходя в квартиру, потому что вернулся моментально. Ирка, вместо того, чтобы томно обольщать, сразу потянула его вовсе не в спальню, а в кабинет, где на столе лежало уже четыре мобильных телефона — включая Иркин собственный, и усадила его в кресло-качалку, заявив, что надо поговорить. Димка, увидев телефоны, попытался привстать, но Ирка схватила его за руки и нервным шепотом осведомилась, умеет ли он хранить тайны. Димка тоскливо вздохнул и кивнул головой. Тайны хранить он умел, и Ирка об этом прекрасно знала. Однажды он изображал ее жениха, чтобы отвадить от нее назойливого арабского юношу. Юноша отваживаться не хотел и вместе со своим приятелем

наехал на Димку в его же собственной квартире. Димка мужественно держался и Ирку не выдал, и его спасли только соседи снизу, которые срочно пожелали его видеть по причине потопа в своей квартире, — сенбернар сорвал на кухне кран. Ирка после этого накормила его ужином в уютном пригородном ресторанчике «Веселый монах» и поклялась при случае выручить его в случае надобности. Надобность у Димки никак не возникала, зато она часто возникала у Ирки, и бедному Димке не раз приходилось доказывать свою исключительную отвагу и порядочность.

Поклявшись молчать, как рыба, он обреченно стал выслушивать инструкции. Ирка не стала очень вдаваться в подробности, потому что признаваться в убийстве в ее планы не входило никогда.

— Одного моего хорошего друга... — начала Ирка, и, заметив тоску в горящем Димкином взоре, подняла палец: — именно друга! — соврала она, — подозревают в убийстве. Я пытаюсь ему помочь чисто из чувства моей обостренной справедливости.

Дальше Ирка стала плести такое кружево, которое только Димка по причине своей глупой влюбленности мог проглотить. Телефоны, якобы, она украла из машины, преследовавшей Костю, в тот момент, когда все его хозяева разом вышли за Костей следить, а она, Ирка, мужественно и

находчиво смогла проникнуть в машину, позаимствовать телефоны и обеспечить Косте незаметный отход на заранее подготовленные позиции. Кроме того, она смогла подслушать кличку одного из таинственных преследователей — Удод. И теперь она всего лишь хотела, чтобы Димка позвонил по каждому из номеров, значащихся в каждом телефоне, и постарался разузнать как можно больше. О чем именно — уточнить Ирка не смогла. Просто разузнать, что там сейчас замышляется, а потом они уже сделают собственные выводы. В заключение Ирка томно вздохнула, многозначительно на него посмотрела и погладила по плечу.

Слегка ошалевший Димка набрал первый номер, под которым значился некий Бугор. Он был занесен во все телефоны, поэтому решено было начать с него.

Димка начал звонить с телефона Удода. Бугор ответил сразу, и очень возбужденно стал орать:

— Где вы, черт побери, шляетесь? Вас с утра ждали с докладом. Что там с девкой? Потряс Молчанова?

— Э-э... да. Он ничего не знает, — проблеял Димка хрипло.

— Что у тебя с голосом? — поинтересовался Бугор.

— Простудился, — старательно захрипел

Димка.

— Как это Молчанов не знает? — запоздало сообразил Бугор. — Ты его убрал?

— Нет... а надо?

— Черт его знает, — задумчиво сказал Бугор. — Это уж как сам скажет. Ты давай топай к нему скорее. Он уже рвет и мечет.

— Ага. Куда идти?

Бугор немного помолчал.

— Удод, это ты? — спросил он.

— Да я, я, — уверил Димка. — Еду уже.

И положил трубку.

Ирка возбужденно пыхтела над его ухом.

— Ага! Я была права! Они хотят убрать Молчанова. Я говорила!

— Ну, еще не совсем хотят, — поправил ее

Димка. — А после консультации с каким-то самим.

Он кашлянул:

— А девка — это ты?

— Вот еще! — очень правдоподобно возмутилась Ирка. — С какой стати!

Следующим был номер Любы.

— Сережа? — моментально откликнулся хриловатый женский голос. — Ты откуда прорезался?

— Да так, — неопределенно откликнулся внезапно охрипший Димка. — Как вообще дела?

И тут совершенно неожиданно девушка по

имени Люба разразилась пространной речью, из которой следовало, что бессовестный Сергей совершенно изменился после того, как они с Бугром вернулись из Арабских Эмиратов, часто бросает ее одну, стал нервным, и они уже не так мирно и спокойно проводят вечера в ее уютной квартирке.

— А ты не помнишь, где Бугор живет? — спросил ее Димка, прочитав записку, которую Ирка настойчиво совала ему под нос.

Люба на секунду заткнулась, а потом поинтересовалась, не спятил ли он.

— Да нет, — заюлил Димка. — Он вроде снимать квартиру хотел.

Ирка одобрительно закивала головой.

— Квартиру? — поразилась Люба. — Зачем ему? У него же отличная квартира в Девятинском переулке. И живет он один...

Остальные звонки были не столь продуктивными. Подытожив, Ирка поняла, что из полезной информации она смогла узнать только то, что некто Бугор жил на Девятинском, — а это рядом с Большой Никитской, между прочим, — что вместе с неким Сергеем по кличке Удод они недавно были в Арабских Эмиратах, и после этого, или прямо в Эмиратах, произошло нечто, после чего Бугор с Сергеем стали людьми нервными и занятыми, и что ими всеми правил шеф, которого они называли сам. Кроме того, из Молчанова

собирались вытрясти какую-то информацию, после чего шеф распорядится его, скорее всего, убрать.

Костя сдержал обещание и заехал по дороге к следователю. Малахов был на месте, и пребывал в самом дурном расположении духа. На него только что обрушилось новое дело — об убийстве троих неизвестных на Симферопольском шоссе, вернее, совсем рядом с ним. Несчастные каким-то образом перестреляли друг друга и, видимо, шальная пуля попала в бензобак и подожгла машину. Малахов чувствовал себя обиженным судьбой. Правда, это дело подкинули не ему одному, а в паре с коллегой, два года делившим с ним кабинет, но он считал, что его уж слишком нагрузили. Поэтому Костя со своей просьбой поставить охрану у палаты Молчанова появился не в самый подходящий момент. Во-первых, он возмутился, что Костя указывает умудренному жизнью Малахову, что ему следует делать. Во-вторых, он проникся уверенностью, что Костя отводит от себя подозрения, выдумывая мифическую опасность. Поэтому контакт с Костей у него не получился. Костя торопливо отбыл со смутным ощущением, что следователь Малахов не очень его любит.

На работе у него все валилось из рук. Он торопливо пообщался с Танечкой, отдав ей английский текст на перевод, накричал на

секретаршу за то, что она не спросила, что за двое мужчин звонили Косте с утра, пригрозил уволить менеджера продаж, и сел за стол, думая о том, что бы еще полезного ему совершить. Сотрудники, остолбеневшие от нового Кости, которого они раньше слегка презирали за мягкотелость, стали поспешно доделывать скопившуюся за две недели работу, и разгребли ее в полдня, размышляя при этом, какой Костя им больше нравится.

Он взял в руки вычитанный редактором текст детективной повести, в которой на первых четырех страницах пространно описывалось, как бандиты мочили свидетеля в больнице, прокравшись к нему в палату, пытали его клизмами, и в конце концов сделали смертельную инъекцию. Костя задумался. Молчанова могли замочить точно также. Минуя стадию клизм. Насчет смертельной инъекции Костя тоже сильно сомневался. А вот пулю в лоб Леня вполне мог хлопотать. Впрочем, Ирка, конечно, преувеличивает. Такая уж она у него деятельная. Костя умильно улыбнулся, вспомнив, как Ирка лихо встала ночью на его защиту, потом поежился, вспоминая трупы на поляне, и, в конце концов занялся текущими делами.

Малахов заручился уверениями эксперта, что на одном из трех сгоревших трупов сохранились вполне приличные «пальчики», то есть участки

кожи, которые пригодны для дактилоскопической экспертизы. По своей картотеке он, возможно, прогонит их уже завтра. А вот владельца машины удалось установить довольно быстро. Им оказался некий Павел Андреевич Шарахутдинов, успешный бизнесмен, который давно находился на подозрении у налоговых органов, но за руку пойман ни разу не был. Уголовный кодекс он, судя по всему, чтит, и формально перед законом был почти чист. По поводу машины он невыносимо скорбел, чуть ли не рыдал, а посмотрев на трупы, просто потерял голову — дико захохотал, и стал сползать на землю.

— Зрелище не из приятных, конечно, — согласился умудренный пятилетним опытом оперативник, подхватывая его и поспешно отводя в сторону. — Нервы у человека никуда не годятся, — сообщил он Малахову, который курил в сторонке. — Вот до чего бизнес людей доводит.

О том, как машина оказалась в лесу, Шарахутдинов сначала сообщить не мог, только хохотал мефистофельским басом. Когда ему в рот влили последовательно воды, валерьянки и водки из фляжки все того же оперативника, он залился слезами и сообщил, что полагал, что машина у него в гараже, потому что он со вчерашнего дня никуда не выезжал. Выходило, что машину у него из гаража угнали. Малахову было только непонятно,

почему ее угнали с единственной целью выехать на ней в лес, и там друг друга перестрелять.

Была еще одна странность, — на пистолете, который нашли в руке одного из убитых, не было никаких отпечатков пальцев, кроме его собственных. Да и его отпечатков было мало, — как будто он взял его в руки только один раз. То есть выходило, что перед тем, как взять пистолет и застрелить из последних сил пассажиров, один из которых, видимо, перед этим смертельно ранил его, человек его тщательно протер. Учитывая, что он сам при этом истекал кровью, мотив этого действия был совершенно неясен. Не мог же он просто таким образом выгородить своего убийцу!

Впрочем, Малахов решил на эту маленькую деталь не обращать внимания и списать все на бандитские разборки. Перестреляли друг друга — и спасибо, нашим легче. Но эксперт все испортил. Он сказал, что судя по пулевым отверстиям, каждый из пострадавших должен был скончаться на месте. Времени на то, чтобы после того, как в них выстрелили, взять пистолет, и выстрелить еще в кого-то, у них не оставалось. То есть должен был существовать еще некто четвертый, кто их аккуратненько перестрелял, а потом при помощи огня уничтожил следы преступления.

Малахов переглянулся со своим коллегой. Они дружно вздохнули и поехали в отделение,

заводить дело. А Шарахутдинов поехал домой, где он намеревался хорошенько побиться головой о стену, напиться, и потом думать, что делать дальше.

С порога его огорошил Анатолий:

— Звонил Бугор, — сообщил он. — Сказал, что он разговаривал с Удодом. Он обещал подъехать.

— Кто обещал подъехать? — оторопел Шарахутдинов. — Бугор?

— Нет, Удод, — невозмутимо ответил Анатолий. — Только что-то его долго нет. Забаловал парень. Надо его окоротить.

Павел Андреич решил побиться головой об стенку чуть позже. Удод мертв, это он сразу разглядел. Как мертвы и все члены этой троицы, рекомендованной ему неким знакомым, который, бывало, выручал его в щекотливых ситуациях за относительно приемлемую цену.

Шарахутдинов поморщился. Бугор, Удод, — вся эта уголовщина ему не нравилась, но делать было нечего. Их порекомендовал надежный приятель, который уже несколько лет решал возникающие у него проблемы только с их помощью. Тогда кто же звонил? И самое главное и пугающее — кто же подъедет и зачем? В загробный мир Павел Андреич не особенно верил, но велел Анатолию никуда не отлучаться, и побежал к себе в кабинет, где у него в баре был замечательный

крепкий коньяк. Когда спустя три часа он убедился, что никто не пришел за ним из загробного мира, он снова ощутил интерес к миру живых и позвонил своему знакомому. Узнав о гибели своей уголовной троицы тот здорово расстроился, и даже попробовал наехать на Павла Андреича за то, что тот его, можно сказать, осиротил, оставил без правой и левой руки. Но Павел Андреич рассердился, напомнил, что лишился джипа, пережил нервный стресс, а рекомендованная троица не смогла справиться с таким банальным делом, как последить за парой недотёпистых лохов.

— В милиции сказали, что их всех положил кто-то четвертый, — ядовито сказал он. — Может быть, это девица их всех положила, а? Вашу грозную банду? Да мой пудель, — покосился он на своего огромного пса, — и тот...

Его собеседник немного помолчал, испытывая неловкость. Возразить было нечего — сами виноваты, дуболомы уголовные. Мало того, что дело не сделали, так еще и опозорили. Это ж надо — дать себя так бесславно укукошить. А деньги он, между прочим, уже получил, и надо было их как-то отрабатывать. Одно утешало — что такого добра было много. Он вздохнул, и обещал к вечеру поднять свои старые связи.

Следователь Малахов решил отложить дело

об убиенных бандитах на завтра, когда будет готова дактилоскопическая экспертиза и можно будет установить их личности. Пока же он вспомнил о недавнем визите Кости и стал размышлять, с чего тот вдруг так обеспокоился безопасностью Молчанова. Выпив чаю из пакетика и закусив чипсами, он поехал к нему на работу.

— Опять вы, — безрадостно сказал Костя, откладывая в сторону роман.

— Что значит — опять я, — возмутился Малахов. — Вы же сами ко мне перед обедом заходили.

— А, да! — вспомнил Костя. И заодно вспомнил прочитанный им, недавно отредактированный детектив, в котором разыгралась больничная драма со свидетелем. Будучи человеком творческим, он тут же перепутал причину и следствие, и совершенно искренне уверил себя в том, что заезжал к Малахову под воздействием прочитанного. Малахов возмутился.

— Только этого не хватало! — возмущенно начал он. — Если вы будете дергать меня из-за каждой прочитанной книжки... я занимаюсь серьезным делом... а вы... да я...

— Да вы, между прочим, меня сначала в покушении на Молчанова подозревали, — возмутился Костя. — А если вдруг на него действительно будет ночью покушение? Если в

него стреляли, то почему не захотят в больнице добить? И к кому тогда вы будете приставать со своими дурацкими обвинениями?

— К кому? — поинтересовался Малахов.

— Ко мне, — объяснил Костя.

С этим Малахов не мог не согласиться. Потому что кого еще можно было подозревать, он решительно не знал.

— Поэтому, — объяснял Костя сумрачному следователю, — в безопасности Молчанова я кровно заинтересован. И не говорите потом, что я вас не предупредил. А я, — разошелся он, — уж таким алиби на этот вечер запасусь... и на эту ночь тоже, — поразмыслив, добавил он. — Приглашу к себе сразу после работы человек десять гостей, и будем гудеть до утра.

— А где вы были вчера вечером и ночью? — спросил сразу помрачневший Малахов.

— На даче мы были, — твердо ответил Костя, и честно посмотрел Малахову в глаза. — Свидетель — Павельев Николай, деревня Оболенское, дом тридцать семь. Улиц там нет. А его городской телефон — ...

Малахов горячо заверил Костю, что городской телефон не требуется. Задав ему еще пару ничего не значащих вопросов, он вышел. Заявление Кости, что он запасется алиби на эту ночь, произвело на него самое гнетущее впечатление. Действительно,

случись что с Леной, — кому предъявлять обвинения? Он начал думать, что с Леной обязательно что-то случится. А начальник отдела говорил, что у Молчанова крутой папаша, и что, если не дай Бог, что не так... Вспомнив про папу, Малахов решительно направился в кабинет начальника, выбивать для Лени охрану на ночь.

С работы Костя поехал сразу к Ирке. Она с порога выложила ему все, что узнала, и сразу стала куда-то собираться.

— Давай скорее, — поторопила она Костю.

Костя расстроился. Во-первых, он был голоден, а во-вторых, он рассчитывал на долгий приятный вечер с любимой девушкой.

— А поесть? — отважился он.

— Ах, да, — спохватилась Ирка, полетела на кухню и торопливо шмякнула два яйца на сковородку. — Ты не забыл? Они грозились Молчанова убрать?

— Так кому убирать-то? — отмахнулся Костя. — Их самих убрали, так что...

— Убрали, наверное, исполнителей, — терпеливо объяснила ему Ирка. — Это ничего не значит. Заказчики новых найдут.

Костя вздохнул, и стал жевать яичницу, которую Ирка к тому же забыла посолить.

— А десерт? — заикнулся было он, но,

взглянув на Ирку, покорно отправился за ней в больницу. Приемные часы еще не кончились, и у двери в стационар тосковала сухонькая старушка в белом халате. Ирка удовлетворенно улыбнулась, полагая, что сработал ее звонок в милицию.

— Вам к кому? — важно спросила старушка, когда они в белых халатах подошли к дверям.

— В девятую палату, к Молчанову.

— Нельзя к нему, — сообщила старушка. — К нему только отца пускают. Он под охраной лежит.

— Под охраной? — обрадовался Костя. — Вы точно знаете?

— Как не точно, — обиделась старушка, — если ему перед палатой милиционера поставили. В форме. И не в девятой он теперь вовсе лежит, а в одиннадцатой, в одноместной.

— Ой, — испугалась Ирка, — вы об этом никому не говорите.

— Почему это? — обиделась старушка.

— Как же, — пояснил Костя. — а вдруг его те искать будут, от которых его милиционер охраняет.

— Ты меня не учи, — старушка насупилась. — Идите-ка сами отсюда подобру-поздорову. Учить меня вздумали! Ходют, выведывают...

Ирка с Костей с облегчением вышли.

— Ну что? — потер руки Костя. — Нам известно, что Серый с Бугром очень изменились,

вернувшись из Арабских Эмиратов. Интересно, очень интересно. Нам бы узнать, что там произошло, в этих Эмиратах.

— Как же теперь узнаешь? — Ирка опечалилась. — Оба мертвы. Знать бы, — сокрушенно сказала она, — надо было не сразу их застрелить, а поспрашивать...

Костя теперь нисколько не сомневался, что если бы Ирка их поспрашивала, они бы у нее заговорили, как миленькие. Он искоса посмотрел на нее:

— Пойдем куда-нибудь, поужинаем? Что-то я после твоей яичницы такой голодный!

Ирка спохватилась, что ее давно ждут Танька со Свинпином.

— Я знаю место, где нас накормят вкусным пирогом, — порадовала она, и позвонила Таньке. Та, узнав, что Ирка придет не одна, а с приятелем, даже обрадовалась. Во-первых, как и все женщины, она была любопытна, когда дело касалось чужих бой-френдов, а во-вторых, чем больше народу противостоит Зое Карповне, тем лучше для всех.

Ирка отошла от больничных ворот первая, и за ней быстро метнулась чья-то тень. Следом за Иркой быстро выскочил Костя, врезавшись в какого-то мужчину.

— Извините, — бросил Костя на бегу, и подбежал к Ирке.

— Да ничего, — пробурчал себе под нос мужчина, потирая плечо и отступив назад.

Танькиными пирогами пахло еще внизу. Голодные Ирка с Костей повели носами, и дружно устремились на запах. Танька открыла дверь моментально, будто ждала их в прихожей.

— Боже мой, вот это аромат, — восхитился голодный Костя.

— Вы чего так долго? — зашипела Танька. — Не могли прийти, пока я его пекла?

— А что случилось? — удивилась Ирка.

Оказалось, что Зоя Карповна решила вмешаться в процесс выпекания пирогов. Она плеснула щедрой рукой подсолнечного масла в слоеное тесто, в котором его в принципе быть не должно, и заставила Таньку добавить рис к мясной начинке. Танька сопротивлялась, как могла, но Свинпин попросил не травмировать мать, и Танька сдалась.

С кухни доносились приглушенные препирательства Свинпина с матерью. Зоя Карповна довольно раздраженно доказывала, что ходят тут приятели-дармоеды и обжирают любимого сыночка. Свинпин, помня обильные застолья у Ирки, нервно шикал, и пытался заставить ее замолчать. Отчаявшись, он махнул рукой и вышел встречать приятелей.

С Костей они виделись как-то мельком, но

Свинпин благородно считал друзей Таньки своими друзьями.

— Пошли на кухню, — пригласил он, виновато оглянувшись, и попросил не обращать внимания на мать.

— Она пожилая женщина, — попробовал он объяснить шепотом. — В этом возрасте бывают...

— Причуды, — закончила за него Ирка, и расхохоталась. — Да ты не переживай, мы к вам с Танькой пришли. А уж вас-то мы знаем, и обижаться на вас не собираемся.

Танька просветлела и вытащила из холодильника салаты, которые свекровь не успела испортить.

Зоя Карповна сидела за столом в самом углу, прижавшись к стене. Над самой ее головой висели часы с кукушкой. Ирка приветливо поздоровалась с насупленной теткой и совсем не смутилась, услышав в ответ сердитое бормотание.

— Ты где пропадала весь день? — спросила ее Танька.

— Да так, то на даче, то в больнице, — неопределенно ответила Ирка.

— Ты больная, что ль? — оживилась Зоя Карповна.

— Приятеля навещала, — объяснила Ирка, беря большущий кусок пирога с мясом. — Как я мечтала о твоих знаменитых пирогах, —

мечтательно сказала она, прикрывая глаза.

— Даже я о твоих уникальных пирогах слышал, — кивнул Костя. — поделишься с Ирккой секретом?

Свекровь очень обиделась, услышав про то, что Танькины пироги уникальные. Уникальным может быть только то, что делает она сама, Зоя Карповна. Вот уходит их поколение, а передать мастерство некому. Танька-то вон как взъярилась, когда она учила ее сегодня пироги печь. Ну ничего, даже хорошо, что гости пришли, — думала она. — Вот сейчас отведают пирога, который она «поправила», так сразу поймут, чьи пироги уникальные.

— Че-то я не пойму, — сказала Ирка, задумчиво жуя пирог. — Что ты с тестом сделала?

Зоя Карповна приготовилась торжествовать.

— У тебя тесто обычно такое легкое, а сегодня что-то не то.

— Да нормальный пирог, Ир, — примирительно сказал Костя. — Есть можно.

Ирка сокрушенно покачала головой.

— Ты не представляешь, какие у нее раньше пироги получались, — заявила она. — Душу дьяволу можно было продать за такие пироги. Танька, зачем ты рецепт изменила?

— Зоя Карповна посоветовала, — елейным голоском сказала Танька.

Зоя Карповна потемнела лицом.

— Сроду в тесто подсолнечное масло добавлять полагается, — внесла она ясность. — Еще деды наши так делали.

— Наши деды пекли пироги? — тут же пожелал уточнить Свинпин.

— Не мели ерунды, — оборвала его мать. — Это так говорится только.

— Наши бабы пекли пироги, — невинно внесла ясность Танька.

Костя невольно подлил масла в огонь.

— Ты вроде говорила, — сказал он, положив свой кусок пирога на тарелку, — что у тебя был с мясом пирог? Ты знаешь, я с рисом что-то не очень люблю.

— А это и есть с мясом, — ответила Танька, довольная публичным посрамлением свекрови. — Просто Зоя Карповна мясо почти все вынула, и рис добавила.

Зоя Карповна побагровела и разразилась речью в свою защиту. Что беспутная Танька ничего не понимает в экономии. Что если ее не остановить, она будет сливочное масло на сковородку кусками бросать, и пироги печь из чистого мяса. А так еще на макароны по-флотски хватит. И нечего огромные порции мяса в щи класть, когда достаточно одной маленькой косточки. И на стиральный порошок «Ариель» тратиться вовсе не обязательно. Есть и

дешевые порошки. А Танька в стиральную машину не только Ариель сыплет! Зоя Карповна давно подглядела, да все сыну говорить не хотела. Она и еще какой-то порошок сыплет. Зоя Карповна в магазине как-то видела такой, и специально посмотрела на цену. Кусается цена-то.

В общем, получился замечательный семейный скандал. Танька молча улыбалась, искоса поглядывая на Свинпина. Ирка попыталась в защиту Таньки объяснить, что кроме стирального порошка в машину надо сыпать еще и средства, смягчающие воду, чтобы машина не испортилась, однако Зоя Карповна негодуяще заявила, что, в таком случае, можно стирать и руками, дешевле выйдет. Свинпин счел своим долгом решительно вмешаться и заявить, что против маленькой косточки в супе он решительно протестует, пироги с разбавленным мясом есть отказывается, а Таньку любит за то, что она такая замечательная хозяйка.

— По миру тебя пустит хозяйка-то эта! — завела свою любимую песню Зоя Карповна.

— Ну, уж если кто и пустит нас по миру, так это вы, мама, — спокойно заявила Танька.

Зоя Карповна выпучила глаза.

— Ты! — закричала она сыну. — Ты слышишь, как здесь оскорбляют твою мать?! Мать твою оскорбляют, а ты и ухом не ведешь?

— Веду-веду, — успокоил ее любящий сын, и

с любопытством спросил Таньку:

— Ты что, считала убытки?

— Ну не то, чтобы считала, — рассудительно сказала Танька, которая в присутствии любимой подруги чувствовала себя намного увереннее. — Тут и считать особо нечего. Я продукты, которые мама съедает, даже и не считаю, жалко что ли! Для родственницы ничего не жалко! — пела она, — хотя Зоя Карповна никогда сама ничего не покупает.

Зоя Карповна открыла рот, но не нашлась, что сказать, поскольку покупать что-то к столу ей никогда не приходило в голову. Сын, он и есть сын, чтобы самому мать обеспечивать. Танька тем временем неслась дальше.

— Но тот месяц, пока мама тут живет, нам приходится питаться в ресторанах, потому что я готовить при ней не берусь, чтобы вас, Зоя Карповна, не расстраивать. А то, что вы готовите, есть невозможно.

— Как так невозможно, если вы все подчистую съедаете? — завопила оскорбленная в лучших чувствах старуха.

Свинпин с Танькой переглянулись, и признались, что все подчистую съедает соседская овчарка Альма, потому что они незаметно скидывают еду в мисочку и относят овчаркиной хозяйке. Поэтому если уж кто экономит на

маминых визитах, так это соседи.

— А обед в ресторане на двоих как минимум под тысячу нам на двоих выходит, — продолжала Танька. — Вот вам уже тысяча долларов за месяц. Это уже не говоря о тефлоновых сковородках, которые я каждый раз выбрасываю, потому что вы, мама, скребете их ножом. После таких визитов любой по миру пойдет. Хорошо, что у него есть я, и поддерживаю его материально, — мстительно закончила она.

Этого Зоя Карповна вынести уже никак не могла. Раз ее здесь не ценят, — вскочила она из-за стола, — то ноги ее в этом доме больше не будет. Да ее обеды вся ее семья всю жизнь ела, и ничего.

— Предлагаю компромисс, — поспешно крикнула Танька.

— Чегой-то? — испугалась Зоя Карповна.

— Вы не вмешиваетесь в хозяйство, тогда ваш сын будет приходить обедать домой. Его здоровье и деньги будут тогда в полной безопасности.

Зоя Карповна растерялась. Вообще-то, она представляла себе, что ее визиты, наоборот, были спасительными для хозяйства сына, и помогали стеснительному мальчику ставить на место наглую девицу, которая вертит им, как хочет. Сам Свинпин не спешил оспаривать Танькино выступление. Наоборот, он поспешно высказался в том роде, что, мол, Зое Карповне уже тяжело заниматься